

Юрий и Вера
Каменские

**ВИТЯЗЬ
ВНЕ ЗАКОНА**

Юрий Каменский

**Витязь вне закона.
От создателей «Витязь
специального назначения»**

«Издательские решения»

Каменский Ю.

Витязь вне закона. От создателей «Витязь специального назначения» / Ю. Каменский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835430-4

...на поляну, поблескивая узорной чешуёй в свете Луны, выползала громадная змеюка. Разжимались тугие кольца, извивы тела словно струились, перетекая и меняясь, как узоры калейдоскопа. Заворожённый Флэш не мог оторвать взгляда от этого прекрасного и страшного танца. Но самое поразительное, что среди этих перетекающих из одной формы в другую колец танцевал огромный чёрный человек. Он двигался абсолютно синхронно с удавом... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-835430-4

© Каменский Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Не ходите, дети, в Африку гулять	6
Глава 2. Богатая событиями рутина	16
Глава 3. Правда, рассказанная ночью	24
Глава 4. В деревню! К тётке! В глушь!...	30
Глава 5. Привет из прошлого	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Витязь вне закона От создателей «Витязь специального назначения»

**Юрий Каменский
Вера Каменская**

Дизайнер обложки Юрий Борисович Каменский

© Юрий Каменский, 2024

© Вера Каменская, 2024

© Юрий Борисович Каменский, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4483-5430-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Не ходите, дети, в Африку гулять

*Почему, дружок? Да потому, Что я жизнь учил не по учебникам.
Просто я работаю Волшебником...
Лев Ошанин*

...Федька, а меж своих просто Флэш, пытался выбраться из толпы. Ранец сильно мешал продвижению, его то и дело волокла за собой стихия студенческого бесчинства. Поворот, к которому пытался пробиться Флэш, отдалялся медленно и неотвратно. Перед ним образовалось «окошко», он рванулся отчаянно и прижался к стене, тяжело дыша. Лица белые, смуглые, чёрные, распялены агрессивным рёвом рты. Прокатились, блин! А всё мамочка! «Увидеть Париж и умереть!»

«Вот, похоже, сейчас и умру», – подумал он мрачно.

С той стороны, куда прорывались бунтари, послышались какие-то хлопки, толпа взревели. Флэш кожей почувствовал лавинообразное нарастание напряжения и отвернулся. Он и сам не понял, чем привлёк его внимание этот незнакомец. И, секунду спустя, пришло озарение: «Это не человек!» Тёмная фигура у стены, подняв руки, монотонным голосом произносила какие-то слова, низкие частоты его голоса заставляли вибрировать сердце, лёгкие, печёнку. Казалось, даже кости начали дрожать, звеня и постукивая суставами.

«Так не бывает», – но робкий писк ошалевшего от ужаса разума утонул в мощном крещендо бесившихся вокруг эмоций. И, сообразно напряжению этого нечеловеческого голоса, нарастало и напряжение толпы. Вопли студентов переросли в яростный рёв – звонкий треск разбитых витрин магазинов, скрежет уродуемых машин, запах бензина, хлопки взрывов и всполохи огня зловеще заплясали на стенах.

Он всё слышал, но был не в силах оторвать взгляда от, казалось, сотканного из чистого мрака силуэта. Словно парализованный ужасом кролик под мертвящим взглядом удава. Сердце сдавила ледяная рука, Флэш понял, что его увидели. Глаза нежити вспыхнули бледным зелёным огнём, стали придвигаться ближе, ближе, норовя поглотить его целиком. Слабо вскрикнув, Федька медленно сполз по стене и остался лежать, разбросав руки, словно поломанная кукла.

...Пробуждение нельзя было назвать приятным. Во рту всё сохлось, казалось, язык покрыт коркой засохшей глины. Голова кружилась, всё качалось. Он открыл глаза и... и ничего не увидел. «Ослеп!» – пронеслась паническая мысль. Вытаращив глаза, он попытался напрячь непослушное зрение.

«Фу, ты, блин, да это просто темно».

Сделав первый разумный вывод, попытался проанализировать свои ощущения уже более или менее осмысленно. Его по-прежнему плавно качает. Ухабистая дорога? Куда это он едет? Ё-моё, да не едет, а плывёт! Этого ещё не хватало для полного счастья...

И тут он всё вспомнил. Ревущие рты темнокожих студентов, бестолковая суэта ажанов, всполохи огня от горящих машин... Глаза! Желудок сжался от ужаса в комок и попытался выпрыгнуть из насмерть перепуганного тела. Судорожным глотком послал его на место, Фёдор застонал.

Этого не может, не должно быть. Такому ужасу нет места в обычном человеческом мире! Но кто-то холодный и трезвый, в самом дальнем уголке души, прикрикнул: «Перестань дёргаться, как свинья на верёвке! Это было! И не надо прятать голову в песок! Думай, мать твою!»

Мысленно согласившись с ним, он подвёл черту. Какая-то нечисть его отключила одним взглядом – раз. Он куда-то плывёт в темноте – два. Фёдор попытался переменить позу и охнул

от боли. В придачу ко всему, его руки за спиной не то связаны, не то скованы наручниками. Совсем хреново – это три. И что? Словно отвечая на его вопрос, где-то сверху показался свет и послышались шаги. Человек беззаботно насвистывал, подходя всё ближе. В лицо ударил слепящий луч фонаря. Федька зажмурился.

– Эй, бой! Ю о-кей?

Корявый английский. Произношение ещё хуже, чем у него. Но хоть понять можно, и на том мерси.

– О-кей, – отозвался он. – Руки можно развязать?

Человек захохотал. Поставил фонарь рядом и оказался худым мускулистым негром лет двадцати пяти, одетым в джинсовые шорты и майку с Эдди Мёрфи на пузе. На поясе висел в ножнах кривой ножище жуткого размера и кобура с пистолетом.

– Хочешь убежать? – заливался он смехом, тыча жёстким пальцем Федьку в живот.

Неестественный этот смех вызывал в нём стойкое подозрение, что негритос обкурился или нанюхался какой то дряни.

– Нет, – хмуро отозвался пленник. – Хочу сидеть. Но с развязанными руками.

Радостно ухмыльнувшись неизвестно чему, чернокожий бесцеремонно перевернул его на живот. Федька охнул от боли – тело словно пропустили через жернова. Щелкнули наручники и руки бессильно упали по сторонам тела. Он попытался опереться на них и подняться. Тщетно. Такое впечатление, что рук у него не было вообще. А рядом валяются... да чёрт его знает, что это так похоже на руки, плети какие-то неживые. Чёрный легко поддёрнул висящего Федьку и посадил, привалив спиной.

– Куда вы меня везёте? – пустил парень пробный шар.

А вдруг скажет?

– Кай-кай, – радостно захихикал тот. – Знаешь, что такой «кай-кай»?

Фёдор помотал головой. Что-то такое он когда-то не то слышал, не то читал... но не вспоминалось, убей Бог лаптем.

– Кай-кай, – страшно оскалил зубы шутник и сделал вид, что обглаживает его руку, после чего демонстративно облизал пальцы, закатил в восторге глаза, погладил себя по животу с видом величайшего наслаждения: «Ай, как вкусно!»

«Прикалывается, что ли? Хотя, проскакивала инфа, что кое-где людоедство сохранилось. Даже какой-то диктатор там людей ел... Он что, всерьёз это говорит?!»

Спросить Флеш не успел, негр снова расхохотался, хлопнул его по плечу и подхватив фонарь пошёл к выходу.

– Сидеть здесь, – бросил он, обернувшись на ходу. – А то, – он сделал страшные глаза: – кай-кай!

Послышался его дурашливый хохот, стукнула металлическая дверь и он снова остался один в темноте.

...Он не знал – сколько дней продолжалось плавание. Сначала пробовал считать дни по мискам с едой, но похоже, что кормили его только тогда, когда о нём вспоминали. Несколько раз сверху раздавалось что-то, похожее на стрельбу. Федька не был таким уж «убитым» компьютерщиком, который двадцать пять часов в сутки живёт в виртуале. Окружающее воспринимал вполне реально. Знал и то, что в южных морях есть настоящие пираты. Их и по телевизору показывали – худые мускулистые чернокожие мужики, перевитые пулемётными лентами, как балтийские революционные матросы. Чего он никак не мог понять, так это отношения к пиратству.

Нет, в самом деле. Весь мир, что называется, стоит на ушах. Ах, пираты оборзели! Ах, от них нет никому спасения! И военные-то корабли против них неэффективны, и все прочие меры. Будучи по натуре своей человеком деятельным, он ненавидел вот такой скулёж. Можно

подумать, что спустились какие-то инопланетяне, о которых никому ничего не известно. Чем они питаются, где у них уязвимые точки, чего они боятся? Ну, блин, тайна за семью печатями!

Словно и не было никогда пиратства в истории человечества. Было. И давно известно, чего не любят пираты – когда суда, на которые собрались напасть и их экипажи при оружии. И когда всё судопроизводство при поимке состоит из двух компонентов – короткой исповеди и длинной верёвки.

А то задерживают катер с вооружёнными до зубов молодцами, которые пытались взять на бордаж торговое судно – и что? Везут в цивилизованные места, чтобы судить судом присяжных, с адвокатами и прочей хренотенью. Их вину, видите ли, надо доказать! Как будто нельзя было шарахнуть по этому корыту боевой ракетой, когда они напали на «торгаша». Его, будущего юриста, эта правовая импотенция просто бесила.

Теперь тем более. Из-за идиотизма европейской правовой системы он, как раб, валяется в вонючем трюме. Хотя, почему – как, спрашивается? Он и есть раб, чего уж перед самим собой-то глазки строить? И ждёт его в лучшем случае бич надсмотрщика, а про худшее и думать не хочется. Чего доброго, и правда – кус-кус.

К счастью (а иногда и наоборот), всему в жизни приходит конец. В эту ночь, провалившись в тяжёлую дрему, он снова увидел свой всё тот же сон...

...Он смотрит с большой высоты на знакомый до боли пейзаж. Из горла рвётся ликующий крик торжества – он нашёл! Он нашёл, наконец, свой Мир! Радостно смеясь, Федька плавно опускается на большую зелёную поляну. Навстречу идёт женщина, одетая в развевающиеся под лёгким ветерком одежды. Красивое лицо, откуда-то очень хорошо знакомое, напряжено, а в больших глазах стоят слёзы. Она протягивает к нему руки и Флэш, повинувшись неслышному зову, разжимает навстречу им сжатые в кулак пальцы правой руки, а на его ладони, переливаясь в солнечных лучах, лежит большой голубой самоцвет. Женщина, по лицу которой бегут слёзы, смеётся и подбегает к нему.

«Мама!» – шепчет он и... просыпается.

Лицо залито слезами, в душе гаснет недавняя радость, уступая место горечи утраты. Он вспомнил, он почти всё вспомнил. Но, минуто спустя картинка тает, как туман под тёплым летним ветерком. В сознании лишь саднящее чувство обрётённого и тут же утраченного счастья. Проведя ладонью по мокрым глазам, он судорожно всхлипнул и проснулся окончательно.

За бортом стояла тишина. Ну, не совсем полное отсутствие звуков, просто перестал стучать дизель за переборкой. Судно мягко покачивалось, временами борт стучался обо что-то. Так, похоже, приплыли. И в прямом смысле и в переносном. Привычно стукнула сверху металлическая дверь.

– Эй, снежок, выходи, приехали! Быстро-быстро!

Фёдор потащился к дверям, поднялся по крутому трапу и первый раз переступил порог. Сначала ему показалось, что он ослеп. Из глаз потекли слёзы, он плотно зажмурился.

– Быстро-быстро, – грубая рука толкнула его в спину.

Глаза заволкло слезами. Ничего не видя, он, поддерживаемый за шиворот чьей-то сильной рукой, прошёл по сходням на берег. Там его перехватили другие руки, толкнули в какой-то открытый джип, который сразу рванул с места. Федька, не успев сесть, треснулся головой о какую-то железяку и зашипел от боли. Уцепившись за что-то, нащупал продранное сиденье и пристроился поудобнее. Джип кидало, как в родной российской глубинке, приходилось держаться, как ковбою на родео. Но, всё равно, несколько раз он крепко приложился головой о торчащие сверху металлические дуги.

Примерно минут через сорок они въехали в какое-то селение. Солнце уже село, в темноте там и сям виднелись огоньки, по бокам виднелись тёмные округлые силуэты – хижины, что ли? Машина свернула под навес и резко затормозила. Федьку мотнуло вперёд и он больно стукнулся грудью о переднее сиденье. Сидевший за рулём негр распахнул боковую дверцу.

– Вылезай, беленький, приехали. Быстро-быстро, а то дядя Том рассердится.

Фёдор вылез из джипа и встал, шатаясь, на деревянные ноги. От последнего удара грудь болезненно сжало и он, судорожно давясь, небольшими глоточками пропихивал в лёгкие воздух. На голове набухла приличная шишка.

– В дом, в дом, давай-давай, – «дядя Том» подтолкнул его в спину.

Дом представлял собой просторное помещение, где медная и глиняная утварь соседствовала с современным плеером, баночным пивом и американскими сигаретами. Хозяин толкнул его в угол на драную циновку и пошёл по своим делам. Находившиеся в доме молодые негры резались в какую-то азартную игру, непрерывно дымя. Судя по запаху, табак был смешан с наркотой. Негритянки занимались привычными домашними делами, что-то усердно толкли, резали корешки. Сбрасывая плоды своих трудов в закопчённый котёл, они едва удостоили его мимолётными взглядами. Видимо, такие посетители здесь были не в диковинку.

А одеты, кто во что горазд. Одна девчонка, кстати, довольно симпатичная, щеголяла в одной набедренной повязке и расстёгнутой мужской рубашке. В глазах зарябило от её ядовито-попугайской расцветки. Упругие груди нахально торчали сквозь тонкую ткань, приковывая к себе взгляд, и Федька невольно ею залюбовался. Заметив это, она захихикала, показала на него пальцем и что-то громко сказала соседям. Те захохотали вместе с ней. Он досадливо отвернулся – нашёл время сеансы ловить, идиот.

Часа через два, девка в мужской рубашке сунула в ему в руки пластмассовую чашку, доверху наполненную кусками мяса и овощей. Всё было разварено до полной невозможности, но он управился с порцией мгновенно, мимоходом пожалев, что нельзя попросить добавки. Приятная истома после горячей пищи сделала мысли тягучими и вязкими, даже перспектива чего-то плохого отступила в тяжёлой полудрёме.

Самое интересное, что он всё видел и слышал. И как пили пиво эти местные отморозки. И как двое парней, замысловато трахали полуголую девку в двух шагах от него, под хохот и одобрительные выкрики остальных. Но вот пошевелиться он не мог. Совсем. Тело как будто вообще отсутствовало. Вот, блин! «Голова профессора Доуэля. Африканский вариант».

Когда эта троица вновь переключились на пиво, он уже был ко всему абсолютно безразличен. Где-то на задворках сознания мелькнуло, что если его действительно станут жрать, это не вызовет в нём никаких эмоций и он будет спокойно смотреть, как отрезают и жарят его ногу. Так же тупо Флэш созерцал, как подхватив и забросив на спину, его куда-то тащат, словно тушу телёнка. В этом состоянии он и пребывал, пока его волокли по джунглям, а потом уложили на камне посреди большой прогалины.

Даже когда над ним заскакали под звуки местного барабана не то люди, не то какие-то пятнистые мутанты, это тоже не взволновало его дух. Тем более, что всё более нарастающий ритм, вой и вопли, сами по себе завораживали. Было в них что-то мерзкое и, одновременно, притягательное. Флэш безучастно отметил усилившиеся аккорды из глоток пятнистых и их сужающийся круг вокруг него.

«Вот и «кай-кай», – пронеслось в мозгу.

И вдруг жуткий ритм сломался. Угрожающая мощь пятнистой стаи оборвалась, подавившись судорожным вдохом ужаса. Гротескные фигуры застыли, как по команде «Замри!» А на поляну, поблескивая узорной чешуёй в свете Луны, выползала громадная змеюка. Разжились тугие кольца, извивы тела словно струились, перетекая и меняясь, как узоры калейдоскопа. Заворожённый, Флэш не мог оторвать взгляда от этого прекрасного и страшного танца.

Но, самое поразительное, что среди этих перетекающих из одной формы в другую колец танцевал огромный чёрный человек. Он двигался абсолютно синхронно с удавом. Причём, когда чернокожий делал выпад рукой в сторону кого-то из замерших в ужасе танцоров, змея била головой прямо в лицо. От этого те валились, как снопы. Это было уже слишком. Послед-

ний предохранитель в сознании, звонко щёлкнув, отключился и Флэша мягко приняла спасительная тьма забытья.

...Бирюк миновал тяжёлые двери с литыми бронзовыми ручками. Кивнув, показал удостоверение постовому и уверенно прошёл по красной ковровой дорожке. Лифт приветственно звякнул и вознёс его на пятый этаж здания. Он прошёл по уставленному пальмовыми кадками коридору и свернул к стальной двери, внешне ничем не примечательной.

Никаких табличек на ней не было. Да они и не к чему. Кому надо и так знали, что за ней – Отдел №17. А кому не надо... тем и подавно незачем голову забивать. Юрий Иванович провёл карточкой по щели электронного замка. Мягко щёлкнув, дверь распахнулась. Небольшой короткий тамбур заканчивался стильной деревянной дверью. Войдя в «предбанник», он не стал её открывать, а повернулся направо и положил ладонь на стену. Окрашенная в приятный кремовый цвет каменная стена просто растаяла в воздухе, словно и не бывала вовсе. Ступив шаг в открывшийся коридор, он остановился. Из-за угла вылетел ротвейлер, высотой в холке метра полтора и утробно рыкнув, замер в шаге от человека. Морда пса нависла прямо напротив лица.

Каменев Юрий Иванович, ... года рождения, должность – начальник тактической группы Отдела №17 Западно-Сибирского региона. Маг первого класса, боевой псевдоним – Бирюк. Сфера ответственности – правоохранительные органы. Сфера деятельности – территория России, деятельность за её пределами считается законной, если в течение трёх суток был уведомлен Международный Магический Комитет.

Бирюк бесстрашно поднял руку и ласково шлёпнул зверя по брыластой морде.
– Ты что, Цербер, нюх потерял?

Пёс вывалил розовый язык и плюхнулся на задницу. Откровенно говоря, ротвейлер не являлся собакой в полном смысле этого слова. После одного происшествия в аналогичной конторе одной из европейских стран, когда отдел из-за своего ротозейства потерял половину личного состава, Международный Магический Комитет рыкнул, стукнул кулаком по столу и изверг из своих канцелярских недр очередной грозный циркуляр.

Инкубы и суккубы, пригревшись к общему возмущению, в Нью-йоркской штаб-квартире Комитета, резко воспрянули духом и кинулись доказывать свою необходимость. Не стоит даже представлять пути, которыми они шли по созданию генетически совершенного сторожа. Фактически, это была, если закрыть глаза на их гнусные наклонности, генная инженерия. Помимо всех прочих составляющих, как стало потом известно, в ход пошли даже гены горного дракона. После полугода их трудов, по всем отделам мира разослали щенков ротвейлера.

Всё бы ничего, только от капель слюны этих милых крошек (размером с дога-переростка) на деревянном полу оставались чёрные дымящиеся ямины. А когда несчастный щен сделал лужу, он задними лапами провалился в дыру в полу. Маги сообще вытаскивали оттуда орущего «малыша» и исцеляли ему обожжённые подушечки на лапах. Шеф разразился жуткими матами в адрес генетиков, сварганивших это чудо.

Собачонок скулил, но ни пить, ни есть ему не давали. Через час подъехала какая-то закрытая машина и Михалыч, забрав детёныша, отбыл в неизвестном направлении. Как выяснилось позже, он отдал детёныша «на доводку» (по его собственному выражению) в институт прикладной генетики, курируемый «оборонкой». Через неделю щенка привезли обратно. Как они там с ним работали, никто не знал, но проблем больше не было. Как выкручивались из положения другие, неизвестно.

...Бирюк обошёл грозного стража, мимоходом потрепав его по монументальному загривку.

– Свин ты, всё-таки, Церик, – проворчал он, стряхивая с рукава капли собачьей слюны.

Открыв дверь, вошёл в приёмную начальника отдела.

– Привет, Вера Евгеньевна, солнце ты наше незакатное.

Последние слова были адресованы секретарше. На плечах вечная шаль, на голове столь же неизбывный «кукиш». На вид лет сорок пять, но, сколько лет ей было на самом деле – неизвестно. Как подозревали сотрудники, этого не знал даже шеф. Отодвинув, безопасности ради, подальше от края цветочный горшок, она подровняла стопочку бумаг и постучала заточенным карандашом.

– Так, Юрий Иванович, у тебя «ходячие» не списаны. Когда спишешь, я спрашиваю? Конкретно!

«Ходячими» она называла входящую корреспонденцию. Те послания, которые были удостоены чести зарегистрироваться в книге «Входящие», в строгих руках секретарши превращались в сухую казнь египетскую. Хотя, в сущности, баба была доброй.

– Вера Евгеньевна, – ухмыльнулся Каменев. – У тебя вампиров в роду не было?

– Так, всё, вношу тебя в список и подаю шефу, – она поправила очки, сидящие на кончике длинного еврейского носа. – Пусть он сам с тобой разбирается, а мне надоело!

– Нехорошо, – он осуждающе покачал головой. – Красивая женщина должна быть добра и милосердна.

– Пошёл ты на хер, – расплылась она в улыбке. – Это вы с меня кровь пьёте, аспиды. Аспиды, и больше никто! Иди отсюда, тебя шеф уже заждался, – закончила она свой трагический монолог совершенно спокойно.

– Я тоже тебя люблю и глубоко уважаю, – пожав плечами, он шагнул к дверям.

– И чтоб по «ходячим» мне сегодня же отчитался! – заорала ему вслед секретарша.

Шеф встретил его недовольным лицом.

– Юрий Иванович, на работу следует приходить вовремя.

– Вообще-то, – демонстративно подняв руку с часами, кротко отозвался вошедший. – Без трёх минут девять.

– Мы тут не от сих до сих работаем. Не нужно быть чинушей! – повысил голос начальник отдела.

– Извините, Александр Михайлович.

– Садись.

Кабинет начальника регионального отдела заслуживал отдельного упоминания. Просторный, с поднятыми жалюзи на окнах и неизменными цветочными горшками, за которыми бдительно надзирала секретарша. Даже грозный шеф не мог от них избавиться. С каменным выражением на лице, Вера Евгеньевна упорно возвращала цветы на их прежнее место. В конце концов, шеф смирился и прекратил сопротивление.

В остальном обстановка была, как в каждом уважаемом себя офисе. Огромный стол с рядами стульев и неизменным креслом во главе. С небольшой поправкой – мебель эта была изготовлена даже не в этом веке, но выглядела как новенькая. Видимо, неусыпными стараниями секретарши. По стенам книжные шкафы, набитые старинными рукописями, манускриптами и первыми печатными книгами.

Содержание сих трудов было весьма специфическим, но вполне подходило для владельца и в довершение всего – огромный сейф. Этот антикварный мастодонт сразу вызывал уважение своими размерами и затейливыми запорами. Естественно, были здесь и специфические, не видимые никому замочки, открыть которые мог только сам хозяин, что в данный момент занимал своё кресло. На стульях смиренно восседали сослуживцы, собранные на ежедневную летучку.

Картина в резном дубовом багете, висевшая за его спиной, изображала красочную сцену возвращения сеньора с охоты. Слуги, несущие богатую добычу своего господина и на переднем плане – рыцарь на вороном коне, у ног которого крутилась большая белая собака. «Сэр Тор

с белой сукой» – гласила надпись на староанглийском. Псевдоним шефа было Тор. Древнее резное кресло, в котором сидел Михалыч, больше походило на трон. Бирюку всегда казалось, что красно-белая корона на голове шефа и они, лежащие ниц на полу, прекрасно сочетались бы с интерьером.

– Так, всё, прекратили балаган, работаем. Кто дежурил?

– Я, – отозвался Николай Викторович, средних лет крепыш с чёрными живыми глазами. – Докладывать?

– А, валяй! – махнул рукой шеф.

Крылов Николай Викторович, ... года рождения, тактик-аналитик отдела №17 Западно-Сибирского региона. Маг экстра-класса, боевой псевдоним – Хакас. Сфера ответственности – бытовая деятельность человека, все альтернативные бытовые жизненные формы. Сфера деятельности – без ограничений.

– Значит, так. Первое и самое главное – в пригороде пропала часть деревни. На месте зданий появилось урочище – часто растущие вековые деревья, преимущественно хвойные. Что характерно, – я вызывал специалистов, – бьют себя пяткой в грудь, что эти деревья выросли в умеренном климате. По крайней мере, гораздо более умеренном, чем в Сибири.

– Пространственно-временной фон что показал? – поинтересовался Шеф, поигрывая авторучкой.

– А ничего не показал, – театрально развёл руками Крылов.

– Как это – ничего?

– А вот так. То есть, параметры-то мне датчик выдал. А когда я их в NOOSFERу зарядил, она мне выдала «Информацией не располагаю». И весь хрен до копейки.

– Так. А что с населением?

– Там место дачное. День будний, никого почти не было. Мужик с женой в магазин на соседнюю станцию поехали, а тут как раз гроза началась. Они её у знакомого пересидели, вернулись, а ни их дома, ни пол деревни нет. Он и сообщил в милицию.

По его словам, пропала вместе с домом одна бабушка, она там постоянно жила. Женщина одна вернулась от дочери, и такая же песня. Муж, говорит, был на дежурстве, когда она уезжала. Собирался, вроде, после работы домой на шашлык друзей привезти. Дома нет, на сотовый звонила – «абонент отключён или находится вне зоны действия сети. По друзьям этим надо, по месту работы справки наводить и по «без вести пропавшим» – в ментуре.

– Да! Сдал я образцы нашим аналитикам, пока не готово, но одно говорят уверенно – уровень цивилизации не выше начала железного века.

– То есть, – воздел авторучку Шеф. – До огнестрельного оружия и единственная тягловая сила – лошадь.

– Или аналогичная животина, – вставил Бирюк.

– Верно, Юрий Иванович, – подтвердил начальник отдела. – Вот, кстати, розыском этих людей срочно займись. Это твоя епархия. Давай дальше, Хакас.

– Понял. Ну, остальное, так, чепуха всякая. В военном городке №... дневальный по штабу открыл ночью огонь из табельного оружия по домовому. Тому, естественно, хоть бы хны, дурака посадили на «губу», так ему и надо. В ДТП пострадала девочка с хорошими магическими способностями, возраст 15 лет, Кира Белова. Родители – насмерть, она в травме. На месте происшествия слабый магический фон, я так думаю – случайный прорыв, видимо, с «родаками» цапнулась и пошёл произвольный выброс негатива.

– Так, стоп, Андроп! – прихлопнул по столу Александр Михайлович. – Магифон, точно от девочки? Или возможно постороннее наложение?

– Н-ну, в принципе, – неохотно признался Крылов. – Возможно и постороннее...

- Так, опять стоп. Возможно – это следует понимать так, что ты не проверял?
- Да всё, в общем-то, совпадает...
- Совпадает у него, мать твою... У тебя совпадает потому, что ты, раздолбай, поленился проверить. Останешься и доведёшь до конца. Понял?
- Хакас кивнул. Это был даже не разнос, так, мелочь. Можно сказать – легко отделался. Впрочем, цыплят считать было рано. Как выяснилось.
- Так, ещё какие новости?
- Да, в общем-то, всё, – пожал плечами Николай Викторович.
- Михалыч прищурился, как кот и голос его стал вкрадчивым.
- Ну, не по нашему региону, а вообще? В стране, в мире, в галактике, наконец... Что примолк?
- Хакас понурил голову.
- Викторыч, сказать тебе, почему ты, маг экстра-класса, в тактиках ходишь и на «бытовухе» сидишь? Сказать?
- Михалыч, да я и сам знаю.
- А я всё-таки скажу. Не из мелкого садизма, а в назидание этим пацанам. А, и девушкам тоже, извини, Юля.

Коренева Юлия Александровна, ... года рождения, должность – стажёр стратегической группы Отдела №17 Западно-Сибирского региона. Маг-стажёр, боевой псевдоним – Багира. Сфера ответственности – не обозначена. Сфера деятельности – не обозначена. Стажировка по двум направлениям – аналитик и боевой маг. Способности на порядок превышают среднестатистические показатели.

- Ничего, Александр Михайлович. Мне выйти или остаться?
- А для кого я тогда тут распинаюсь? Викторычу мои разносы как с гуся вода.
- Михалыч, ну, зачем ты так?
- А что, неправда? Или тебе крестоносцев тех припомнить?
- Не надо.
- То-то, – шеф взял на столе очки и водрузил их на нос, попав с третьего раза.
- Руки у него сильно дрожали, но это не было признаком волнения. Тремор этот у него был, что называется, с незапамятных времён. В отделе ходили слухи, что эта дрожь – последствия схватки с Чёрным магом то ли Древней Ассирии, то ли Древнего Египта. Высказывались, что греха таить, и предположения о чисто русской причине явления.
- Истинную причину Юрий Иванович узнал совершенно случайно. Хакас как-то, по пьяни, поведал, что шеф, будучи ещё боевым магом-стажёром, был внедрён в среду полководцев Александра Македонского телохранителем знаменитого Птолемея. И вместе с ним и прочими военачальниками участвовал в охоте на «бория». Борий, гигантская гиена, уже в те времена был в Африке редкостью. Но охотникам «повезло». Когда зверюга прыгнула на них, Михалыч не смог удержать лошадь.
- Вставшая с перепугу на дыбы кобыла скинула его прямо под нос чудовищу. Борий решил не пренебрегать подарком судьбы и с готовностью распахнул клыкастую пасть. Стажёру ничего не оставалось, как только разрядить в него боевую молнию. Шкура монстра, из-за которой всё и затеялось, обгорела и обуглилась, потеряв всякую ценность. Шефа пришлось срочно выводить из разработки. А тремор у него появился то ли после контакта с борием, то ли после разноса, который закатил ему его тогдашний шеф за провал задания.
- Крылов, рассказавший эту сагу, назвал и имя того шефа, но Бирюк до сих пор ломал голову – правда или нет? Уж слишком громкое было имя – Мерлин.
- Взяв со стола лист бумаги, шеф прочёл:

– «Оперативная записка... так, так... угу... марта сего года в Лондоне зафиксирован системами слежения маг Западно-Сибирского региона России Хакас, который, находясь в изрядно пьяном виде, расплатился с барменом паба купюрой в сто фунтов стерлингов, извлечённой из воздуха на виду у всех. Принятые меры: посетителям мягко внушено, что они видели просто пьяного циркового иллюзиониста, с Хакасом проведена беседа, взято обещание больше такого не делать».

При последних словах присутствующие дружно ухмыльнулись. Щ-щаз-з-з. И ещё два раза. Фокусы этого «иллюзиониста», давно уже стали в отделе «притчей во языцех». Бирюк, в чьей группе числился Крылов, к его «фокусам» относился философски. Магом он был на порядок выше его самого, а после очередного «залёта», находясь в муках совести и адреналиновой тоске, за полчаса умудрялся сделать то, над чем вся группа могла колотиться неделю. Вот и сейчас он не стал «гнать волну», только заметил со смешком:

- Наивность есть свидетельство не глупости, а чистоты души.
- Сам придумал? – поинтересовался Александр Михайлович.
- У Николая Леонова прочёл.
- И о ком это? – пристально глянул Шеф.
- Ну, не о Хакасе же. Конечно о наших британских коллегах. Вот уж воистину святые незамутнённые души. Взято обещание, надо же...
- Викторыч, ты хоть пальчики-то скрещивал? – улыбаясь, спросил тактик Стас, закадычный друг Хакаса.

Кабанов Станислав Александрович, ... года рождения, должность – оперативник тактической группы Отдела №17 Западно-Сибирского региона. Маг второго класса, боевой псевдоним – Сильван. Сфера ответственности – природные ресурсы и все альтернативные лесные жизнеформы региона. Сфера деятельности – территория России, деятельность за её пределами считается законной только с разрешения Международного Магического Комитета.

- А зачем? – светло улыбнулся тот. – Я же действительно больше не буду.
- И больше не будет и меньше не будет, – прокомментировал Бирюк.
- В самом деле, – без тени улыбки подтвердил аналитик Романов, – зачем повторяться? Привычка губит чувство. В следующий раз наверняка будут не фунты, а доллары.

Романов Виталий Сергеевич. ... года рождения. Начальник аналитического отделения отдела №17 Западно-Сибирского региона. Маг-аналитик (прогнозист) первой категории. Боевой псевдоним – Дриид. Сфера ответственности – информационное поле планеты Земля. Сфера деятельности – там же. Связан заклатьем Огня.

- И не Сити, а Гарлем, – в тон ему добавила змейка Юленька.
- Главное, – хлопнул товарища по плечу Бирюк. – Про «Запрещённых барабанщиков» там не поминай, Боже тебя упаси.
- Каких барабанщиках? – не понял Хакас.
- Группа такая есть, забыл? – и он, отстукивая ладонями по столу ритм, немзыкально пропел. – «Ай-яй-яй-яй-яй, убили негра, убили...». А то ведь могут неправильно понять.
- Ну, что, поскулили, развеялись? Может, вернёмся к работе?
- Оглядел каждого и в тишине продолжал.
- Значит, резюме такое: Хакасу – доработать дорожную. Бирюк, возмёмшь у Веры Евгеньевны проездные и деньги – и вперёд в командировку. Там копия сертификата мага, протокол полномочий, билеты и прочая светотень, ну ты в курсе.
- А когда ж я розыском займусь?

– Когда вернёшься. Если их снесло, то спешить уже некуда. А если не снесло, они как раз за это время и найдутся. Если чего не понимаешь – приходи к мудрому аксакалу. Ко мне, то бишь.

– Надеюсь, хоть не на Север? – обречённо спросил тот, понимая, что не отбояриться.

Шеф просиял отеческой улыбкой и, наплескав в бокал минеральной водички, с удовольствием выпил.

– Что ты, да разве бы я посмел? На самые, что ни на есть, юга. Управление Сьерра-Леоне опять у Комитета помощи попросило – у них там «люди-леопарды» совсем берега потеряли. До того обнаглели, что среди бела дня у президента крупной компании секретаршу спёрли и слопали. Белую заметьте, стопроцентную американку.

– Ага, ага, – понятиливо подхватил Бирюк. – И из них половина – родственники тамошним магам.

– А вторая половина – опять хмыкнул хакер Виталик. – Сами во Фритаунской Палате Представителей заседают.

– Ну, вот, видишь, оперативной обстановкой тамошней вы все владеете блестяще. Кого ж посылать, как не тебя, зубра?

– Ну, дай тебе Бог здоровья, Михалыч, что не забываешь меня, убогого. Кстати, почему билеты? Через Дверь не проще будет?

– Да проще, конечно, – тепло улыбнулся Шеф. – Только ММК опять циркуляр прислал. Объяснить, какой?

– Не надо, сам скажу. Опять магическую энергию экономят.

– Ну, вот видишь. Приятно с тобой дело иметь. А с «леопардов» что взять? Дикие люди.

– Точно, дикие, – согласился Юрий Иванович. – Не знают, что с секретаршами делать. Слали бы нам по ленд-лизу.

– А что бы вы с ними тут делали? – невинно поинтересовалась Юля.

Бирюк пропустил её в дверях.

– Я-то что могу? Я старый. Это вон Стас с Хакасом спецы. Они же эрудиты, полное собрание сочинений Рембрандта наизусть бы ей читали. Для секретарш – первое дело.

– Как ты нас обозвал? Что ты там о секретаршах? – в один голос спросили Хакас и Вера Евгеньевна.

– Верочка, да это мы про африканских, – улыбнулся Юрий Иванович. – Представляешь, они их там едят.

– Так, стратеги-тактики, почту получайте, – громогласно объявила секретарь. – Юра, вот тут распишись за командировочные, тут за документы. Так, а за что её съели?

– Да хрен её знает, – невозмутимо отозвался Бирюк. – Тоже, наверное, с «ходячими» к ним приставала.

– «Хотели кушать – и съели Кука», – радостно оскалась, процитировал краснощёкий здоровяк Сильван.

– Юра, – грозно начала она, но не выдержала и захохотала во весь голос. – Ну, брандахлыст, ну брандахлыст... Забирай свои бумажки и вон с глаз моих. Но если тебя там сожрут – на глаза мне не являйся! Конкретно! Вот долги спишешь – тогда, пожалуйста. Юлечка, дочка, информационку получи.

– Добрая ты, Вера Евгеньевна, – буркнул Бирюк и вышел, напевая: «...ели в этой солнечной Австралии друга дружку злые дикари...».

Глава 2. Богатая событиями рутина

*Кому-то одному не жить!
Забьто Зло, Добро...
Его смогло остановить
Лишь пули серебро.*

...Летать в самолёте – занятие, всё-таки, более нудное, чем езда на поезде. К такому неутешительному выводу пришёл Бирюк, пятый час сидя в до смерти осточертевшем ему кресле. Там все-таки, какая-никакая, свобода передвижения. Можно прогуляться в вагон-ресторан, просто выйти в тамбур покурить, поболтать у окошка с соседкой или на станции большой размяться выйти.

А тут давишь кресло задницей и чувствуя, как эта часть тела постепенно отнимается. Бизнес-класс, конечно хорош. И на том спасибо. Вот только спуститься в подвал здания администрации, открыть бронированную дверь электронным ключом и шагнуть из сырой сибирской весны прямо в сочную африканскую осень – всё-таки лучше. Но! Комитет сказал – скромнее надо жить. Есть, вашбродь! Бу-у сделано!

– Юра, – окликнул его с соседнего ряда Ирбис, маг-стратег среднеазиатского региона.

Как-то, ещё на заре туманной юности, пришлось им пересечься в одной головоломной операции на Северном Кавказе. К идущей там в то время войне, это безобразие никакого отношения не имело, чистой воды «пробой». Вот только рутинная операция, куда шефы отправили вчерашних выпускников, как они посчитали, «нюхнуть пороху», оказалась с подлым двойным дном. Когда это стало ясно, ничего уже изменить было нельзя – десять начинающих магов разлетелись на атомы. Но, тогда они с Ирбисом, не только выжили, но и отплатили пришельцам той же монетой.

Правда, их легонько пожурили, что не взяли ни одного «языка». Ха! Вот бы сами и попробовали! Но, зато им с ходу присвоили второй класс. Как ему потом пояснил шеф за бутылкой водки – никто вообще не понял, как они, собственно, умудрились уцелеть. А та жизнеформа, из-за которой чёрная голова Ирбиса украсилась импозантной сединой, так и осталось неизвестной науке. И хрен с нею, откровенно говоря. А уж как они после той операции нарезались!

– Я вас... – лениво отозвался он.

– О чём задумался, детина?

– Ты маг-кудесник или уже где? – поднял бровь Бирюк.

– Да я тебе без магии могу сказать, что ты об этой экономии энергии думаешь.

– Удивил. Да этого только слепой не услышит. Энергию они экономят! А то, что, пока мы на этой стальной птице тащимся, кого-то сожрать успеют, это им в головы не приходило?

– Вот, кстати. Тебя шеф перед отлётом инструктировал?

– Военная тайна. Имею право не отвечать на вопросы. Прошу мне разъяснить мои права и обязанности.

– Ну, понёс... – засмеялся памирец. – Расслабься, я серьёзно спрашиваю.

– Серьёзно я сейчас вообще не способен, – фыркнул Бирюк. – Торопился он куда-то. Сунул копию оперативки из Фритауна, велел прочесть в машине или в самолёте.

– И как? Ага, понял, – засмеялся Ирбис. – Тогда прочти, потом обсудим.

Страдальчески сморщившись, Бирюк достал из внутреннего кармана листок и развернул.

«Участились, а в некоторых регионах Африки приняли массовый характер случаи, когда сектами вуду в жертву приносятся этнические европейцы, которые похищаются специально для этого в США, Германии, Франции, Великобритании и т. д. Отмечаем особо, что ни

одного случая похищения из России и бывших республик СССР оперативными службами ММК не зафиксировано. Некоторые регионы делают из этого вывод о причастности России и СНГ к данным инцидентам. Особо отмечаем, что такого рода предположения ничем пока не подтверждаются – проводится проверка. Информацию довести до сведения аналитических и оперативных подразделений как стратегического, так и тактического реагирования».

С первых же строк сонная одурь слетела, он поднял глаза и встретил серьёзный взгляд коллеги.

– Теперь понял?

– Не дурак. Вдвойне приятно, что мы и под подозрением тоже вместе. В хорошей компании и на эшафот идти приятно.

Ирбис поморщился, потом он махнул рукой и усмехнулся.

– Горбатого могила исправит. Нет, серьёзно, как это понимать прикажешь?

– «Энто как же ж, Вашу мать, извиняюсь, понимать?» – задумчиво процитировал бессмертные строки Бирюк. – «...Вот, как-то раз дают ему приказ...»

– Юра, я тебя сто лет знаю. Ты же всегда был блестящим аналитиком. Если ты Леонида Филатова вслух цитировать начинаешь, значит, до чего-то додумался. Ну, не томи ты, ради Аллаха.

– Блестящим аналитиком он был,
Потом парик себе купил...

– продолжал «гнать пургу» Юрий.

– ...и под фальшивыми кудрями
Уже не мог блистать мозгами.
Мораль – чего тут объясняться?
Не надо лысины стесняться.

– Ты сам-то можешь поверить в то, что из такой ерунды можно сварить хорошую интригу?

– Да в том-то и дело, – в сердцах ударил себя кулаком по колену Ирбис. – Ты же тоже с «леопардами» уже сталкивался. Не могу я их представить частью такого грандиозного заговора, ну, хоть убей!

– Истину глаголешь, аксакал. Абсолютно обособленная секта, им все политические разборки вообще по тамтаму. Катахреза в чистом виде.

– И какой вывод?

– А простой, как пареный ананас. Латентность¹.

– При чём тут это?

– Ну, ты же юрист! Что, я тебе про латентность рассказывать должен?

– Погоди, погоди. Ты думаешь, что наших тоже воруют, просто их никто не хватился?

– Считаешь такое невозможным?

– Наоборот. Более чем. У нас в любой республике по окраинам людей можно воровать столько, сколько хочешь.

– Угу. Как в том анекдоте про медведя.

– Каким?

¹ Латентность – здесь: статистика, скрытая или недоступная учёту.

– Не знаешь? Тогда слушай. Возле «военной точки» в глухой тайге матёрый медведь инструктирует молодого: здесь можно жить долго и без проблем. Как увидишь замполита, в охалку его – и всё. Только других офицеров не трогай. Ну, молодой говорит: а как эти замполиты выглядят? Ну, старик объяснил. То ли объяснил плохо, то ли молодой не понял... В общем, сгрёб салага офицера и тягу. Не успел с ним под кустом расположиться, глядит – батюшки! Тревога! Лес прочёсывают, прожекторами просвечивают, оцепление, стрельба по кустам. В общем, мишки еле ноги унесли. Бегут. Старый мишка молодого материт: ты зачем, дубина, взводного съел? Я тут пятнадцать лет замполитами питался – ни одного не хватились.

Ирбис захохотал так, что в салон прибежала молоденькая испуганная стюардесса. Увидев, что ничего угрожающего нет, она любезно предложила дорогим гостям прохладительные напитки. Гости вежливо поблагодарили и попросили минералки, которую та держала в руке. Зачем девочку зря гонять?

Но полёт, слава Богу, подходил к концу. Приземлились они в Лунги. Там их встретил высоченный менде в рубаше и шортах цвета хаки, со шрамиками племенной насечки на лице и здоровенной кобурой на ремне. Поздоровавшись со всеми, он жестом указал на стоящие поодаль три чёрных «лендровера».

Затем их долго везли куда-то за город. Струился маревом перегретый зноем воздух, от раскалённого на солнце металла тянуло жаром, как от доменной печи. Через стекло, размытыми видениями бродили пасущиеся стада зебр и антилоп. Мелькнула и скрылась за облаком пыли, поднятой колёсами машин, семейка жирафов, объедавшая колючие ветки акаций. Природе нет никакого дела до суетящихся тут и там людишек, у неё свои заботы.

Саванну с отдельно стоящими деревьями и кучами кустарника постепенно сменил лиственный лес. Здесь их приветствовали визгливые голоса ссорившихся обезьян. Никакого умиления при этом они не испытывали. Это в зоопарке они уморительны и забавны, а в дикой природе очень опасный противник. Впереди блеснула вода в пересыхающем озёрке, больше смахивающем на простую лужу. Наступал засушливый сезон и скоро от этого водоёма останется только потрескавшаяся от жары, окаменевшая тина, да голые, сбросившие листву деревья.

Бирюку приходилось здесь быть однажды, незадолго до установления власти Временного Комитета. Дай Бог памяти, году примерно в девяносто-девяносто первом. Сидящего за рулём менде ему тогда встречать не приходилось. А ведь вполне могли пересекаться, мужик уже в годах. Как-то он назвался при встрече, но имя, как назло, вылетело из головы. Впрочем, не беда, по-английски тот говорил хорошо. Лучше его, во всяком случае.

– Дружище, вы не могли бы нас пока в курс дела ввести? В дороге всё равно делать нечего. Если, конечно, это вас не отвлекает.

– Нет, – охотно отозвался тот. – Не отвлекает, я здесь родился, по этой дороге могу с закрытыми глазами ездить. Просто я подумал, что вы устали с дороги. У нас впереди ещё целый день.

– Вы хорошо говорите по-английски, – искренне сказал Ирбис.

– Я закончил Нджалу, пять лет работал в полиции Фритауна, – усмехнулся водитель. – Когда мой шеф заметил, что я... не совсем обычный инспектор, меня направили в Комитет.

– Не жалеете? – спросил Ирбис.

– Нет. В Комитете, как ни странно, специалистов по вуду – раз-два и всё. Нужно работать дома, иначе потом некуда будет вернуться. Значит, давайте по делу. «Леопардам» пираты привезли белого парня из Франции. Этой ночью он будет принесён в жертву. Место их обряда мы знаем, кто там будет – тоже. По сути, вас пригласили только как группу захвата. Мы запрашивали опытных боевых магов-оперативников. Лично вас двоих попрошу, полностью на себя взять безопасность этого бедного парня. Вуду – вещь весьма серьёзная. К тому же, есть информация, что ими руководит не местный.

– Как такое может быть? – искренне удивился Бирюк. – Не верится что-то. Я не хочу вас обидеть, но слишком уж необычная информация. «Леопарды» ведь очень обособленная секта.

– Мы и сами это знаем, – пожал плечами тот. – И информация пока не проверена. Собственно, потому и обратились к вам. Я специализируюсь по вуду, но с европейскими магическими практиками совершенно не сталкивался. В Академии, конечно, проходили, но...

– Я и сам проходил вуду, – согласился Ирбис. – Но, тоже только проходил.

– Я рад, что вы поняли. Никому не в радость бросать свои дела и мчаться решать чьи-то проблемы. Бьюсь об заклад, что вы подумали о коррупции в нашей среде.

– Если честно, – усмехнулся Бирюк. – То действительно подумали.

– Спасибо за откровенность. Но в данном случае действительно нужна ваша помощь. Поверьте, когда мы можем решить проблему сами, то никого не тревожим.

– Понял, спасибо.

– Вот и прекрасно, тем более, что мы приехали. Эта деревня – наша, вроде оперативной базы. Сейчас поужинаем, и валитесь спать.

...В течение дня подготовки, у Юрия сложилось впечатление, что африканские коллеги с ними, мягко говоря, лукавят. Они великолепно владели обстановкой. При так хорошо поставленной информации не составляло труда вывести эту секту раз и навсегда как вид фауны. Похоже, что пресловутые «леопарды» служили местному отделу для отчётности, как в старое время продавцы сотрудникам ОБХСС. К концу отчётного периода те рассасывались по магазинам, делали контрольные закупки и – пожалуйста!

Целая куча протоколов и материалов, направленных в суд – обвес, обсчёт и прочие пако-сти. Муза отчётности визжит от восторга, хлопая себя по толстым ляжкам. Вот и здесь, похоже, такая же кухня. Причём, если здешним магам просто лень работать – это полбеда. Хуже, если за этой вывеской прячется какая-нибудь более внушительная бяка, которую они пестуют. Знать бы ещё – с какой целью.

В свободную минуту, отдыхая в шезлонгах под навесом, где благодатный ветерок и тень давали возможность переждать жару, он лениво поделился этими размышлениями с Ирбисом. Тот нисколько не удивился.

– Знаешь, похоже, что ты прав. У меня самого впечатление похожее. Только – и что? Ты же их в разработку брать не будешь?

– Конечно, нет. Меня Комитет с ходу развоплотит за такие фокусы.

– Ну и не дёргайся.

– А кто дёргается? – хмыкнул Бирюк. – Так, ленивое чесание языка на перекуре.

...Они двигались между громадных стволов так тихо и плавно, словно были не здоровыми мужиками, а бесплотными духами. С оглядкой, не торопясь, заранее окружали место жертвоприношения. Свет чудовищно яркой луны пробивался сквозь переплетение ветвей и лиан, превращая всё вокруг в какую-то пятнистую псевдореальность.

«Посреди таких декораций точно захочется завывать на луну, громко щёлкая отросшими клыками», – почти весело подумал Бирюк.

Идущий впереди менде, поднял правую руку, сложив пальцы знаком «тишина».

«Бывший спецназовец» – автоматически отметил Юрий, замерев.

Уже и обычным слухом были слышны завывания, перемежаемые медленными ударами в ритуальный барабан.

«Отомри!» – подал беззвучную команду проводник.

Они двинулись, беря в широкий обхват большую поляну.

«Блин, не проворонить бы мальчишку!» – пронеслось в голове.

Ему все эти вопли ровным счётом ничего не говорили. На каком этапе шабаш, лукавый их знает? Может, это только «разогрев», а может, вот-вот начнут пацана на куски рвать? Вся надежда на местных. На служебном видео, он однажды видел то, что остаётся от человека, после таких вот обрядов. Суповой набор в сравнении с этим – просто вегетарианский салат.

Менде, чьё имя Бирюк так и не удосужился запомнить, жестами стал распределять их вокруг поляны. На ней дёргались в неверном свете луны фигуры, покрытые леопардовым мехом. В центре поляны на спине лежал пленник. Нубиец показал «Боевая готовность – ноль!»

Все застыли, как застывает в заднем положении взведённый курок или натянутая до уха тетива. Теперь им стало видно, как на хорошо утоптанной земле, со следами от старых кострищ, ломались в неверном свете луны и небольшого костра фигуры. Лица их блестели от пота, глаза закатывались и на губах выступила пена.

«Наверняка под наркотическим кайфом» – мимоходом отметил он.

Телодвижения ускорились и из глоток рвались всё более громкие вопли, – дело шло к кульминации. Стало быть, парень ещё жив.

Зато на том месте, где только что стоял их чёрный, как эбеновое дерево, проводник, возник лениво перебирая кольцами тела огромный удав. Бирюк повидал немало, но это был, несомненно, высший класс. Замечательно наведённая иллюзия, ни одного изъяна. Память тут же услужливо подсказала, что даже грозный леопард опасается встречи с удавом, а что уж говорить про людей...

Право, зрелище стоило того, чтобы его записать. Но вот беда, – если всё это безобразие заснять на видео, то увидишь только чёрного мужика, который исполняет какой-то пугающе плавный завораживающий танец. Только одетые в леопардовые шкуры дикари почему-то цепенеют в смертельном ужасе. Маги-то его, конечно видели, так на то они и маги. Главное было сделано – сбит транс, расшатан маятник психики. Остальное уже было, как говорится, дело техники.

Парадом на ритуальной поляне командовал тип, весь затянутый в хорошо выделанную леопардовую шкуру, снятую вместе с головой. Теперь, вместо глаз были вставлены крупные жёлтые алмазы, вспыхивавшие в отблесках костра живым огнём при малейшем движении, а оскаленные клыки нависали над лбом. И впрямь – как настоящий живой зверь, вставший на задние лапы. Рядом с этой импозантной фигурой из земли выпирал большой плоский валун, а на нём лежал пленник. Был он связан или обездвижен как-то по-другому – не было видно. Думать стало некогда, потому что удав-менде дал отмашку «Пошёл!»

Участники операции возникли со всех сторон поляны. Уцелевшие после атаки удава «леопарды», тотем свой не посрамили, с похвальной быстротой бросившись на незваных гостей. Впрочем, гости были к этому готовы. Да и шок от встречи с гигантской змеей сделал своё дело. От парализующих заклинаний пятнистые валились на землю, как сбитые кегли. Не заикливаясь на них, Бирюк бросился к мальчишке. Их разделяло шага три-четыре, не больше, когда на дороге одним прыжком возник настоящий леопард. Точнее, настоящий оборотень, это-то Юрий сразу почувствовал.

– Бирюк! – послышался предостерегающий крик Ирбиса.

– Вижу, – сквозь зубы процедил он, лихорадочно прогоняя в голове варианты.

Маг-трансформер, он же оборотень, в таком виде почти неуязвим. Защититься от него для мага со стажем – не вопрос. Вопрос – спасти мальчишку. Мгновенно обесточить его нельзя, пока его защиту прошибёшь, он парня в клочья растерзать успеет. А если оборотень горячей кровушки хлебнёт, тогда уже придётся за собственную жизнь биться. И не в шутку, а всерьёз. Именно поэтому в региональных отделах нет оборотней. Ни одного. Как с ним работать прикажете, если в звериной шкуре он сам себе не принадлежит?

Мозги крутились с бешеной скоростью, а пальцы уже сложились в знак Огня. Вспышка! Взрыв, леопард попятился, запахло палёным волосом. В долю секунды Бирюк оказался между

ним и мальчишкой. Впрочем, у леопарда реакция была ничуть не хуже. Прыгнув в сторону, он вонзил клыки в шею своего мирно лежащего адепта.

«Плохо! – успел только подумать Юрий, выхватывая из ножен кинжал с серебряным клинком, – Ой, как плохо!»

Шансов почти не было, но что же ему, шею подставляя прикажете?

И в этот момент откуда-то сбоку прогремел выстрел. Леопард взвыл, метнулся к лесу, но ещё два выстрела заставили его покатиться по земле, громко мяукая от боли. Подбежав почти вплотную, Ирбис всадил последнюю пулю точно между глаз оборотня.

Мощное поджарое тело ещё билось на земле, скребя когтями. Личина зверя на глазах сползала с него, как ключья обгоревшей на пляже кожи. Теперь на земле лежал всего лишь крепкий мужик. Белый, что характерно. Хотя, что-то в нём, определённо, не так. Да хрен с ним, при свете нормально осмотрим. Ирбис с улыбкой повернулся к другу.

– Однако, с тебя сто грамм!

– Дёшево ты меня ценишь, – хмыкнул Бирюк, рассматривая лежащего без движения парня. – Минимум бутылка и минимум коньяка.

– Ты и шайтана помолиться уговоришь, – усмехнулся памирец, пряча ствол.

– Слушай, ковбой, а что за патроны были в твоём кольте? Только не свисти, что серебро.

– Серебро, – серьёзно кивнул Ирбис. – Но не просто... Про мифрил слышал?

– Иди ты!

– Пять штук с того раза осталось, четыре сейчас истратил, – печально вздохнул тот. – Да, что поделаешь? Для милого дружка серёжку из ушка, как говорится.

– Нет, ты серьёзно про мифрил? – не унимался Бирюк.

– Да серьёзно, серьёзно, – засмеялся друг. – С того самого случая не применял, берёт. Видишь, не зря берёт. Поддержи ноги.

Кандидат на главное блюдо, в этом несостоявшемся позднем ужине лежал в беспмятстве. Дранные джинсы и мятая рубашка давно требовали стирки, а грязные и спутанные волосы – стрижки. Под закрытыми глазами синева, а под обломанными ногтями чёрная каёмка грязи. Отмыть бедолагу в хорошей бане, – станет на человека похож.

Бирюк помог положить парня в машину, мимоходом отметив, что на француза парень совсем не похож. Генотип, скорее, русский. Впрочем, какой генотип, о чём вы говорите? В этом Вавилоне всё давно перепуталось. Это, если мягко сказать. В это время юноша открыл мутные глаза и на чисто русском языке сказал: «Мама».

...Бирюк огляделся, но их помощь никому не требовалось. Их местный спутник с помощью видеокамеры документировал труп оборотня. Его коллеги грузили в большой пикап тела парализованных «леопардов».

– Их убили? – сипло спросил пришедший в себя спасённый.

– Да ну, что мы, звери, что ли? – Ирбис прямо-таки лучился благородством. – Глаза выколем и отпустим.

Парня явственно передёрнуло, он вытаращился на них с ужасом.

– Дядя шутит, – внёс ясность Бирюк. – Хуссейн, ты парня пожалей. Если его сейчас «кондратий» хватит, кого ты в комитет предъявлять будешь?

– А зачем меня предъявлять? – хрипло спросил спасённый.

– Тебя зовут как? – вместо ответа спросил Ирбис.

– Флэш... то есть, Фёдор.

– Так, ты русский, что ли?

– Ну, да.

– А почему Флэш? – заинтересованно спросил Бирюк. – Это же не фамилия, я правильно понимаю?

– Ребята в школе ещё прозвали, я Фёдор Лешаков, Ф-Леш. Ну, и за то, что компьютеры люблю.

– А, учишься на программиста? – Ирбис засмеялся. – Компьютерный гений?

– Нет, в юридическом.

– О, – Бирюк оживился. – Тогда мы коллеги. Наше право или международное?

– Наше. Н-ский институт.

– Вот так, – хмыкнул Хуссейн. – Ты, Юра, не только коллегу, но и земляка спас.

– Вы тоже из Н-ска? – удивился Флэш.

– А что, тебя, собственно, удивляет? – приподнял бровь Юрий.

– Ну, вы тут, в Африке...

– Ну и что? – пожал плечами Бирюк. – Ты ведь тоже здесь. Вот кстати, как тебя-то сюда занесло, землячок?

– Поехали, – толкнул его Ирбис увидев поданный знак. – Коллеги, похоже, закончили.

– А где сам менде?

– Он в другую машину сел, махнул, чтобы мы следом трогались.

– Садитесь. В дороге и поговорим. Кстати, ты не смотрел – машина чистая?

– Теперь чистая.

– Понял, не дурак. Садись рядышком, Федя. Чувствуешь себя как?

– Двигаться уже могу. Слабость в мышцах осталась, а так ничего, терпимо.

Юрий включил на пониженную и вдавил педаль газа. Машину мотало на ухабах не хуже, чем в сибирской глубинке. Фары выхватывали из темноты то кусты, то причудливое дерево, то в панике улепётывающую в чашу обезьяну.

– Держись крепче. Так каким ветром тебя сюда занесло?

– А мне как вас называть, простите?

– Фу, ты, блин... Прости старых хамов, запарились. Это Хуссейн Зарипович, он с Памира. А меня зовут Юрий Иванович. Если ты привык, чтобы тебя по имени-отчеству звали, тогда скажи.

– Да ну, – фыркнул парень. – Фёдор, и всё. Можно – Флэш. Мы с родителями во Франции отдыхали. А там в это время студенческие беспорядки начались. Ну, я... это... в общем, на демонстрации попал под раздачу. А в себя пришёл уже на пиратском катере...

Когда Фёдор запнулся, на Бирюка явственно пахнуло волной ужаса, он мгновенно и привычно «поймал волну» и перед глазами проплыла картина: блики пламени, сотканная из мрака фигура, наплывающие нечеловеческие глаза.

– Ну-ну, я слушаю.

– Здесь я недолго был. Меня вчера привезли. А вечером покормили какой-то бурдой и я вырубился. Вернее всё вижу-слышу, а шевельнуться не могу, как паралитик. Наверное, туда что-то подмешано было. До сих пор во рту гадость. А кто они?

– «Люди-леопарды». Не слышал про них?

– Какое-то кино, вроде, было...

– Ну, теперь и в жизни на них посмотрел, – сказал сзади Ирбис.

– Да век бы я их не видал, – с чувством отозвался парень. – Я же понял, что они меня сейчас на куски рвать начнут. Если бы не вы... Спасибо.

– Не за что, – усмехнулся Бирюк. – Свои люди, сочтёмся. При случае меня или Хуссейна Зариповича спасёшь и квиты.

Парень покосился на них и хмыкнул, по достоинству оценив шутку. В кармане замурлыкала рация. Тьфу, ты, забыл про неё совсем.

– Мэйдэй, мэйдэй, Бирюк, вызывает Чарли.

– Я Бирюк, слушаю тебя, приём.

– Бирюк, я Чарли, помнишь обратную дорогу?

- Чарли, это Бирюк, дорогу помню.
- Поезжай на базу, как понял меня?
- Понял тебя, Чарли, еду один. Есть просьба, пули из тела после вскрытия прошу вернуть, как личное магсредство.
- Понял. Попозже завезу, вместе с заключением. Роджер, Бирюк сунул рацию в карман рубашки.
- Сидевший рядом Флэш повернулся к нему.
- Юрий Иванович, а что там за змея была?
- С этой самой змеей, я сейчас по рации говорил, – усмехнулся Бирюк, прикуривая одной рукой сигарету, а другой продолжая крутить баранку.
- А... так это он там с ней выплясывал. Я только не понял – куда она потом пропала, – оторопело уставился на него парень.
- Что тут непонятного? Это была галлюцинация. Ясно?
- Ясно, – озадаченно кивнул Флэш. – Нет, не ясно. Эти ведь тоже её видели! И вы тоже не спросили – какая змея? Значит, вы тоже...
- В логике парню не откажешь, – засмеялся Ирбис. – Что скажешь, Одинокый Волк?
- Да просто, – отозвался он. – Раз видели все, значит... блин, ну и дорожка! ...значит, это была массовая галлюцинация. Такой ответ подходит? Что головой крутишь?
- Не верится мне что-то. А мужик-то настоящий был?
- Мужик настоящий. А что касается глюков... если не веришь, я готов выслушать твою версию.
- Нет никаких версий, – подумав, отозвался Фёдор. – А это что, деревня?
- Угадал, проницательный ты наш. Самая что ни на есть деревня. Стопроцентная «ридна сьерра-леонщина».
- Вспомнил! – воскликнул Ирбис. – Вспомнил я, всё-таки, на кого он больше всего походил!
- Кто? – не понял Бирюк, останавливая машину возле дома, в котором они провели вчерашний день.
- Да оборотень же, кто ж ещё!
- Ну, мало ли... Может, Чарли. Или вот Флэш, к примеру.
- Издеваешься? – подозрительно покосился на него Ирбис, – Никак к твоим шуточкам не привыкну.
- Привыкнешь, какие твои годы, – задумчиво отозвался Юрий. – Ну, вспомнил, так вспомнил. Вечерком расскажешь, лады?
- Конечно.

Глава 3. Правда, рассказанная ночью

*Заливались вышитые птицы
А дракон плясал уже без сил,
Даже Будда начал шевелиться
И понохать розу попросил*

Николай Гумилёв

...В доме их встретила черноглазая креолка Мириам, хозяйка этой «конспиративной квартиры».

– С возвращением, господа. Потери есть?

– Вроде бы нет.

– А этот мучачо – которого съесть хотели?

Видно было, что Флэша при слове «мальчик» явственно передёрнуло.

– Какой мальчик, Мириам, что вы. Стальные челюсти и железные нервы. А самое забавное, что он Чарли во время его «танца смерти» видел, сознание, правда, потерял.

– Да-а? – Мириам взглянула на парня с интересом. – Вам стол где накрыть, в доме или в саду?

– В саду, пожалуй, но только без жареной саранчи, – отозвался Ирбис, деликатно подпихивая Фёдора к выходу во внутренний дворик, что-то вроде патио.

Пока Мириам носила на стол местные деликатесы, Бирюк сходил в свою комнату и вернулся с бутылкой «Арарата».

– После честного труда выпить стопку не беда.

– Хочешь мусульманина во грех ввести? – поскрёб затылок Ирбис.

– Тебе напомнить, что мы после той операции пили и главное, чем закусывали?

– Нехорошо быть таким злопамятным, – фарисейски отозвался друг.

– Тогда не занудствуй, а потребляй честно заработанный коньяк. Между прочим, не какого-нибудь великопупского розлива, а настоящий октемберянский, не хухры-мухры.

– Вы ему проспорили? – поинтересовался Фёдор.

– Не совсем, – попытался деликатно «съесть с темы» Ирбис.

– Нашел, кого спрашивать, – фыркнул Бирюк. – Всё гораздо проще и циничней. Он сегодня спас мне жизнь. А поскольку для него моя жизнь – тьфу! – то я отделался одной бутылкой коньяку.

– Если бы этот оборотень тебя укусил, обязательно бы отравился, – рассердился друг.

– То есть, получается, это ты его от отравления спас? – продолжал «подскуливать» Юрий, вытаскивая пробку. – Почему же тогда коньяк с меня? Тебе налить, несовершеннолетний?

– По нашим меркам я совершеннолетний, мне уже восемнадцать.

– Тогда плесну немного для сугреву и от стресса.

Они сидели, потихоньку цедя духовитый коньяк, наслаждаясь сладким ничегонеделаньем после лютых стрессовых перегрузок. Через полчаса Флэш стал клевать носом.

– Топай-ка ты спать, землячок, – хлопнул его по плечу Юрий.

– Я вот только хотел вас спросить...

– Завтра, завтра все вопросы. А сейчас нужен тупой, бездумный отдых, поверь старому драконоборцу.

Фёдор кивнул и пошатываясь, удалился.

...—Давай ещё по одной за твою твёрдую руку и за гномов, ковавших эти пули, – Бирюк подлил коньяк, с удовольствием отхлебнул глоточек. – Слушай, а как так интересно получается – гномы считаются вымершим народом, а пули к пистолету изготовлены явно ими. Больше

ведь никто с мифрилом не работал? Ну, кроме эльфов, но те-то вообще считаются легендой. До сих пор о них нет никакой точной информации.

– Аллах его знает, – пожал плечами Ирбис. – Мне этот ствол случайно достался.

– Расскажи, если не секрет.

– Да, какие от тебя секреты. Просто я сам до сих пор многого не понимаю. Нас перед выпуском отправили на практику.

– На выживание в экстремальных условиях, что ли?

– Да. Волхв там один у нас был, факультативные занятия вёл по иным измерениям. Ты его должен помнить. Щур его звали. Говорили даже, что он из Высших Магов.

– Да помню, конечно. Но я на его занятия не ходил.

– А вот я ходил, – задумчиво сказал Ирбис, глотнул коньяка и задумался.

Гигантская луна равнодушно освещала двор, столик и двух мужиков, ведущих неспешную беседу. Из травы доносился монотонный треск цикад, прохладная ночь давала им отдых от дневного пекла и редкую возможность просто поговорить.

– Да, – очнувшись от воспоминаний, продолжил Хуссейн. – Так, вот. Это испытание было дополнительным и к тому же, с согласия выпускника. Тебя забрасывают в иное измерение и твоя задача выбраться оттуда самостоятельно.

– Ни, фига, себе! И как это выглядело, хотел бы я знать?

– Самое смешное, что в реальности всё оказалось по-другому. И не так, как себе большинство представляет, и совсем не так, как Щур тот рассказывал. Согласилось на эту авантюру четыре человека: я, Лейла из группы аналитиков и двое ребят с боевой магии. Вернулся только я.

– Не тяни кота за хвост, душевно прошу.

– Послушай, может ведь и пригодиться.

– А я за шо! И так каждое слово ловлю.

– Ну-ну. В общем, Щур ту дверь в подвале настроил. Какие он параметры вводил, не спрашивай – не знаю. Тем более, что в момент настройки в подстанцию метеорит угодил. Всего-то и делов. Кусочек металла со спичечную головку, но разнёс – до и больше, почти месяц восстанавливали. Абсолютно слепое дурацкое совпадение, флюктуация в чистом виде, а безопасника потом из-за этой херни чуть живьём не сожрали.

– У нас это запросто, – хмыкнул Юрий.

– Ну, через несколько секунд, как и положено, включилась аварийная подпитка. А нас, сердешных, зашвырнуло в какой-то вообще левый континуум, ни в одном справочнике потом никто ничего отыскать так и не смог.

– Всё чудесатее и чудесатее, – отозвался Бирюк и зашипев, выкинул сигарету, незаметно догоревшую до пальцев.

– Правда, пробыли мы там не так уж и долго. Но с миром более или менее мы познакомиться успели.

– Погоди. Раз «мы». Значит, вас туда всех четверых кучей закинули?

– Да. Только потом наши пути разошлись. Мы с Лейлой решили идти и попытаться найти... ну, честно говоря, мы и сами не знали – что искать? Всё наперекосяк пошло, это-то мы понимали. Просто чувство было такое, что нельзя сидеть сложа руки. Знаешь, бывает, что внутренний голос не просто советует, а прямо криком кричит?

– Знаю. Потому и жив до сих пор. Как и ты, кстати.

– Вот-вот. Короче, они остались. Сергей Павлов – сын сибирского купца первой гильдии. Ну, что про него сказать? Купеческий сынок, понимаешь?

– То есть, торгаш, но не воин? Продаст тому, кто даст дороже?

– Вот, именно. Второй – Батоев Ромка, из цыганских колдунов. Вот его жалко – хороший парень был, только с этим купчишкой связался. Так я их больше и не видал. А мы пошли

дальше и оказались... ну, вот представь себе ту Русь, которая в былинах – Змеи Горынычи там, соловьи-разбойники и прочая хурда-мурда. «Ходят-бродят, ходят-воют упокойники, если есть там соловьи, все разбойники. Страшно, аж жуть!» – пропел он голосом «под Высоцкого».

– А обычные жизнеформы? Ну, там, лешие, домовые, вагонные?

– Ну, вагонных разве что не было, а в остальном – полный комплект. И к ним, в придачу, все ребята из книг Толкиена. То есть, эльфы, гномы, орки и прочее.

Бирюк только присвистнул, а Ирбис продолжал.

– Ну, про все наши с Лейлой злключения рассказывать долго, но в конце концов оказались мы у бабы-яги.

– Иди ты! – он чуть не поперхнулся коньяком, покраснел, затаив дыхание, потом перевёл дух. – Слушай, предупреждать надо! Но как красиво врешь, я аж заслушался. Шучу, шучу, успокойся! И как она? Изба на курьих ногах, костяная нога?

– Нет, вот тут полное несоответствие. Если бы она сама себя так не назвала, мне бы это и в голову не пришло. Её ещё и Лесной Девой называют. Вот это ей куда больше подходит – красивая женщина, до умопомрачения, зелёноглазая брюнетка, представляешь?

– Пытаюсь, – честно ответил Бирюк. – В кино видел, вживую нет. И что?

– Так вот, она нам и объяснила, что в свой мир вернуться можно всегда, если сильно захотеть. Нужно просто правильно выбрать стихию. Можно вернуться в свой мир, идя берегом реки. Можно прыгнуть в воду или с высокой горы.

– Мне почему-то кажется, что последние два способа тебя не воодушевили.

– Твоя правда. Мы с Лейлой пошли берегом реки с красивым названием Светлая. С нами, в общем, много всего случилось. Но, в конце концов, я действительно вышел. Иду по травке, по песочку и думаю – и сколько мне, горемычному, ещё топать? Даже смутное подозрение появилось, что посмеялась над нами эта красавица-яга.

Бирюк хмыкнул, но промолчал и налил ещё по капельке коньяка.

– Голова от таких мыслей закружилась, вроде как солнышком её напекло. Стою, как дурак, зажмурившись, переживаю когда дурнота пройдёт – глаза открыл и вдруг вижу – передо мной набережная. Ну, та, которая недалеко от Академии, помнишь?

– Ещё бы.

– Захожу – сразу тихая паника. Меня к Магистру в кабинет, собрали весь Большой Совет, давай расспрашивать – что да как, да почему? Волхва этого в изгнание отправили, безопасника загнали начальником тайной стражи куда-то в жуткое захолустье, а тут, видите ли, я живёхонький нарисовался.

– Что в корне противоречит передовой теории магистра такого-то, – с недоброй усмешкой прокомментировал Юрий.

– Абсолютно верно. В общем, заставили меня написать полный отчёт и, как говорится, наложили на уста печать молчания.

– Не понял, – недоумённо воззрился на друга Бирюк. – Как это ты с такой печатью соловьём тут разливаешься?

– Ничего сложного. Заклятье должен был наложить сам Магистр, но его как раз куда-то наверх вызвали, на какой-то симпозиум. И он это поручил...

– Своему заму, – захотел Юрий. – А этот хренов хозяйственник, трём свиньям есть не разложит. Заклятие, небось, по книжке читал?

– Само собой, – засмеялся Ирбис. – А я пальцы в мудру Тающих Секунд сложил и сижу, как просватанный. Заклятья его хватило минут на двадцать. Но я и сам болтать не стал – себе дороже.

– Эт-точно. А с Лейлой-то что стряслось? Ты не сказал.

– А стряслась с ней, Юра, Великая Любовь. Незадолго до моего выхода сгребли нас нукеры одного великого хана. Есть там, понимаешь, такой местный Чингисхан. И получилась у них с Лейлой любовь с первого взгляда.

– И она осталась?

– Да. Она осталась. Вот такая история.

– Да, история впечатляет.

Они молча курили, думая каждый о своём.

– А, – хлопнул себя по лбу Ирбис. – Я ж тебе самого главного не сказал. Лейла в этого хана до того втюрилась, что всё ему выложила про себя как есть.

– А он что? К лекарям её не поволок?

– Он, представь себе, обрадовался, как дитя. Заявил, что он о таких вещах знает. И уже сталкивался с людьми из другого Мира и Времени – это его дословное выражение. Если я правильно понял, его войско незадолго до этого в пух и в прах расхлестали именно эти люди. Но он на них зла не держит, потому, как они его честно предупредили, а он, синий ишак, им не поверил.

– Надо же, какие там самокритичные ханы водятся, – удивился Бирюк. – А ты этих людей разыскать не пробовал?

– Сначала хотел. Но хан отсоветовал. Он с кем-то там из них хорошо знаком и даже считает другом. Так вот, он меня клятвенно заверил, что они обратной дороги не знают, не ищут и прижились в их мире. Как я понял, они у Великого Князя при дворе высокие должности занимают – хрена ли им?

– Ну, брат, не скажи. Это уже дело вкуса. Да! А ты его на Чистый Ключ проверил?

– Обижаешь. Оказалось, что он мне чистую правду говорил. Ну, и не стал я дёргаться. И, как видишь, правильно сделал.

– А про пистолет-то забыл рассказать.

– Забыл, однако. Совсем ты меня заболтал.

– Ну, ты и хам трамвайный! Я его, видите ли, заболтал.

– Ладно, не кипятись. Когда я проходил русскими землями, это как раз после встречи с Великим Ханом. Один шёл, – пояснил Ирбис, – ну и налетел я на русских погранцов. Ну, не совсем наших, а тогдашних... Как-то их в то время звали...

– Порубежниками их чаще всего звали, – нетерпеливо подсказал Бирюк. – Дальше рассказывай, не растекайся мыслью по древу.

– Привели меня к какой-то крупной их шишке. Как я понял, что-то типа Главного Воеводы или, что-то в этом роде. Ну, он меня так лениво стал спрашивать – чего это я с той стороны иду, с какой целью и так далее... Ну, делать нечего, я свою историю ему излагаю. Стараясь, чтоб понятнее изъясняться, хотя тамошний русский язык, от нашего мало чем отличается.

Ну, так вот. Рассказал я ему свою одиссею и жду – какая реакция будет? А он, представь себе, заинтересовался и давай меня спрашивать. Ты профессионалам разведки когда-нибудь в руки попадал?

– Бог миловал. Только на учениях. Но ты прав, впечатляет.

– Так вот, когда, уже спустя много лет я к разведчикам на допрос угодил, сразу этого Барса вспомнил. Им, правда, до него, как до Пекина раком...

– Барса?

– Ага, этого мужика Барсом звали! Он ещё усмехнулся, когда я ему представился. Улыбнулся так иезуитски – Ирбис, говоришь? Это снежный барс, стало быть? Получается, мы с тобой тёзки, я тоже Барсом зовусь. И когда он меня стал допрашивать, всё вытащил – и где я живу и в каком году по нашему календарю к ним угодил и ещё много всего. У меня странное впечатление сложилось, что для него эти названия много значили.

Но спрашивать я не рискнул. Он своим порубежникам приказал меня накормить и на ночлег устроить. А утром меня проводили и отпустили. Вот когда я их за гостеприимство поблагодарил, он мне и подарил эту пушку. «Возьми, говорит, тёзка, дорога у тебя впереди трудная».

– Представляю твоё лицо, когда ты, в руках древнего росича пистолет увидел.

– Да, наверное, лицо было то ещё. Он-то мне и сказал, что пули из мифрила и что нечисти от него спасения нет. О! Слышишь?

– Слышу. Наши коллеги едут.

Далёкое гудение моторов приблизилось, фары мазнули по стене и погасли. Спустя пару секунд мягко хлопнула дверца и во двор вошёл Чарли. На его тёмном лице беззаботно сверкала белозубая улыбка.

– Виски пьёте?

– Обижаешь, чистейший армянский коньяк. Налить? Или ты мусульманин?

– Какая разница? – махнул он рукой. – Впрочем, я язычник. Как всякий уважающий себя чернокожий.

Он с удовольствием отхлебнул глоток, зажмурился, как кот. Потом открыл глаза.

– Нечем вас порадовать, господа.

– В смысле? Есть новости? – «сделал стойку» Ирбис.

– Есть, – менде сделал ещё глоточек, поставил стопку на стол и достав сигареты, закурил. – Две... и обе плохие. Оборотень, которого вы ухлопали, оказался европейцем. Не удивились. Успели разглядеть?

– Да, – сумрачно кивнул Бирюк. – По крайней мере, белым. А что показало вскрытие?

– Тут уж извините, господа, – развёл руками чернокожий. – Это вторая плохая новость – вскрытия не было, тут и магия бессильна. Когда прибыли на место, в машине весь пол был вымазан слизью, а тела не было. Впрочем, магсредство ваше сохранилось.

Он высыпал на стол пули.

– Да и хрен с ним, – махнул рукой Бирюк. – Мальчишку спасли, никто из наших не погиб. Ну и х-х-х... хорошо.

– Ладно, – поднялся абориген. – У вас есть ещё часа три. К семи утра подам машину. Доброй ночи, господа.

– Доброй ночи.

...Самолёт приземлился в Орли ранним утром. Едва они вышли из терминала, Флэш умоляюще глянул на Бирюка.

– Я матери позвоню?

– Звони, мне не жалко, только ведь, – Юрий глянул на наручные часы. – Без десяти пять. Не рановато? Может, подождёшь часок? Как раз уже до города доберёмся.

– Она же волнуется.

– Пусть звонит, – вступился Ирбис. – У нас говорят: «радость и горе не выбирают времени».

– Типа «восточная мудрость»? – ехидно улыбнулся Юрий.

– Типа, – согласился маг.

– Хрен с ним, со временем. Звони, Фёдор.

– Только... карточки нет.

– Возьми телефон, – Ирбис протянул парню свой «Nokia». – А номер в справочнике посмотри.

Флэш чуть не бегом направился к ближайшей кабине таксофона.

– Юра, а ведь парень-то – потенциальный маг.

– Кто бы спорил, – хмыкнул Бирюк. – А ты больше ничего странного не заметил?

– Да, как тебе сказать? – задумчиво протянул тот. – Заметил, только понять не могу.

- Глаза? – понимающе усмехнулся Бирюк.
- Глаза, – кивнул головой Ирбис.
- А что на этот счёт говорят мудрые аксакалы Востока?
- А не пошёл бы ты? – вспыхнул тот, но тут же успокоился. – Всё забываю, что на тебя сердиться – даром время терять. Короче, по нашим поверьям, глаза такого цвета были у джиннов – духов воздуха. Точнее, не у них самих, а ... – Ирбис щёлкнул пальцами, вспоминая нужное слово.
- ...у их потомков от смертных матерей, – подсказал Юрий. – А называли их, если не ошибаюсь, люди воздуха или...
- Точнее, люди Тумана, – поправил его друг. – Это, пожалуй, наиболее точный перевод.
- Люди тумана или воздуха... – задумчиво протянул Бирюк. – Сие, знаешь, не принципиально. Откуда у него всё это? И кто он такой по жизни будет?
- Если бы меня это интересовало, я бы посмотрел на его родителей.
- Будь уверен, согласишься. Причём, независимо от того интересуется это нас или нет. Впрочем, не будем врать сами себе, интересуется и весьма.
- Мама очень просила, чтобы я пригласил Вас на завтрак, – радостно выпалил подошедший Флэш.
- Не отказывайтесь, ладно? – добавил парень чуть ли не жалобно.
- Чтобы я отказался от старой доброй халавы? – возмутился Бирюк. – Ведь там же, наверное, ещё и кофе будет со сливками?
- Обязательно, – в тон ему отозвался Фёдор. – А ещё мамины домашние пирожные.
- Вот, видишь, – укоризненно поглядел на друга Ирбис. – А ты ещё хотел отказаться.
- Почему? – распахнул глаза парень.
- Дядя Хуссейн опять шутит, – серьёзно ответил Бирюк и добавил. – Один-один, уважаемый Хуссейн свет Зарипович.

Глава 4. В деревню! К тётке! В глушь!...

*Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?*

Омар Хайям

– Здравствуйте, – раздался за их спиной голос на правильном английском.

Слишком правильном, чтобы быть родным. Они дружно повернулись. Перед ними стоял типичный клерк – серый костюм со светло-голубой рубашкой, очки в золотой оправе. И, конечно, лицо. Сколько написано о лицах, сколько теорий выведено! Но даже знаменитый Чезаре Ламброзо, чью теорию до сих пор не решили – принимать всерьёз или нет, не смог ничего сказать о лицах чиновников.

Впрочем, говоря о них, так и тянет сказать не лицах, а «ликах» (прости меня, Господи!). Заставь описать их общие признаки и... чернила на кончике пера высохнут, так и не коснувшись бумаги. Но стоит увидеть, не ошибётся никто.

– Здравствуйте. Слушаем вас внимательно.

– Мне поручено доставить вас в Комитет, – вежливо наклонил голову с аккуратным пробором клерк.

– Доставить?! – картинно ужаснулся Бирюк. – Мы, что, арестованы?

– О, нет, что вы! – воскликнул тот. – Прошу меня простить, я выразился неправильно, имеется в виду чисто транспортную услугу – привезти вас туда на автомашине.

– А-а, – с облегчением вздохнул Юрий, приложив руку к груди. – А я уже Бог знает, что подумал.

– О, что вы, – в голосе чиновника проскользнули явно покровительственные нотки. – Здесь полностью отсутствует какой-либо произвол, мы же находимся в правовом государстве.

– Действительно, – задумчиво потёр переносицу. – Как я мог забыть? Это, наверное, после этой ужасной дикой Африки.

Но Флэш с Ирбисом видели, что в глазах мага пляшут весёлые бесенята.

Дорога много времени не заняла, быстро промелькнуло несколько ничем не примечательных улиц. Остановка у остеклённого высотного здания. Они поднялись по мраморным ступеням к вращающимся стеклянным дверям, на каждой из которых отливала золотом семиконечная звезда и... шагнули в просторное фойе с вежливым секьюрити. Стеклопанель лифта вознесла их с сопровождающим на двадцать пятый этаж, к дверям малого конференц-зала.

Там их уже ожидала в полном составе Малая Комиссия, в которой было не менее полутора сотен... кхм! ...лиц, облечённых высоким доверием. Тот, чьим доверием была облечена Высокая Комиссия, сидел во главе Высокого Президиума.

– Всемилостивейший Аллах, – прошептал едва слышно Ирбис. – Сколько бездельников! А у нас некомплект почти пятьдесят процентов.

– Потихе, – не раскрывая рта, прошептал Бирюк. – А не то, как примут решение оказать твоему региону практическую помощь, всех баранов поедят.

– Спаси меня Аллах от этой саранчи.

– Тогда помалкивай.

Слушая их диалог, Флэш с трудом удерживался от смеха.

Глава Президиума, Великий Магистр Белой Магии, Председатель Международного Магического Комитета Огмий Скотт, названный так в честь древнего кельтского божества, создателя огамического письма. Ходили слухи, что он де является его прямым потомком,

во что никто не верил за явную абсурдность. Но импозантен был, собака, слов нет. Впрочем, шеф его звал не иначе, как «бородатый...» с прибавлением какого-нибудь сочного, нецензурного, эпитета. Грудь Председателя действительно закрывала роскошная серебристо-белая борода.

Они уселись на предложенные им места и отдались на волю повестки дня. Флэш моментально начал зевать и словно в омут, провалился в глубокий сон. Впрочем, Бирюк, обладая немалым опытом, честно спал с открытыми глазами. Когда до него дошла очередь, он, получив локтем в бок от Хуссейна, встал и без запинки, кратко изложил суть всего происшедшего. Не слишком вдаваясь в подробности и не сообщая о своих личных наблюдениях. Для этого у него своё начальство имеется, к которому доверия намного больше, чем к чужим дядям. В общем, меньше знают, – крепче спят.

.Награждённый за труды величественным кивком головы Великого Магистра, он спустился с трибуны и продолжал бессовестно дрыхнуть, уставившись полуприкрытыми глазами прямо на президиум. Когда говорильня закончилась, их прочувствованно поблагодарили за их самоотверженное служение Белой Магии и... слава Богу, отпустили.

...Приняв ключи от чопорно-вежливого старика-портъе, и подхватив свой багаж, они неспешно поднимались на второй этаж по красной потёртой дорожке, лежавшей на широкой лестнице. Вот их номер. – М-да, прямо Хилтон, – оценил обстановку Фёдка.

– Зато всё натуральное, – не согласился с ним Бирюк. – Мне нравится. Хотя время его, конечно, не очень пощадило.

Хотя кругом ещё сверкали зеркала, а меж колонн висели картины в позолоченных рамах, потолок украшала лепнина. Всё говорило об упадке. Хотя перила и панели были из благородного морёного дуба, но паркет старчески поскрипывал под ногами, ковры явно вытерлись, плафоны светильники не могли скрыть мелкую паутину морщин-трещин, да и бронзовые аксессуары потеряли былой блеск.

Старческое угасание некогда великолепного заведения вызывало сочувствие и тихую грусть по уходящему времени. Но, всё это было чистой воды камуфляжем – гостиница являлась совсем не тем, чем выглядела и несмотря на антураж викторианской эпохи, была под завязку напичкана новейшей электроникой. ОТЕЛЬ, уже пару веков служил оперативной базой Магического Комитета.

Хуссейн, сбросив сумку, первым проскочил в ванную и плескался там в своё удовольствие.

– Юрий Иванович, а можно спросить?

– Спрашивай.

– Значит, нечистая сила, оборотни, вампиры там разные – это не сказки?

– К сожалению, Фёдор, не сказки, – вздохнул Бирюк, механически оглядывая обстановку. Номер был стандартным. Большая гостиная с непременными тяжёлыми бархатными шторами и скатертями, уютные диваны в чехлах и глубокие кресла.

– Знаешь, у нас, по-моему, есть ещё время?

Флэш посмотрел на большие часы с вычурными вензелями, стоящие на мраморной каминной полке, среди фарфоровых статуэток и канделябров.

– Есть. Нас родители к двенадцати ждут.

– Вот и прекрасно, – констатировал Юрий, усаживаясь у камина, украшенного бронзовой решёткой.

Ноги приятно утонули в брошенной перед ним медвежьей шкуре. В таком кресле хорошо посидеть прохладным вечером, бездумно глядя на живой огонь с сигарой и книгой. Он тряхнул головой, отгоняя сладкие мечты, – ты того урода с горящими глазами помнишь, которому, как ты выразился, под раздачу попал?

– А вы откуда знаете? – резко повернувшись, Флэш чуть не свалил настольную лампу в виде толстого амурчика под абажуром, стоящую на круглом столике.

– Поясняю подробно и по порядку. Мы с Ирбисом маги. Тот чёрный дядька и его товарищи – тоже. Ты сам потенциальный маг. Если ты закончишь нашу Академию, то тоже можешь стать полноценным магом и будешь работать волшебником, как в той песне.

– Какой песне?

– Ах, да, извини. Когда ты родился, эту песню уже не пели.

– А это обязательно?

– Что?

– Волшебником работать.

– Хороший вопрос. Понимаешь, часто получается так, что от нашего желания ничего не зависит.

– Это как это? – начал «заводиться» Флэш. – А если я не желаю? Я юристом быть хочу.

– Да будь ты им, на здоровье, кто тебе мешает? Никто и не пытается тебя заставить, Боже упаси.

– Но вы же сами сказали...

– Нет. Я не сказал, что тебя кто-то будет заставлять, – терпеливо пояснил Бирюк. – Я сказал, что выбора нет.

– По-моему, что пнём по сове, что совой об пень.

– Ни в этом случае. Поясняю. Вот у тебя слух хороший? Музыкальный, я имею в виду.

– Хороший. Говорят, почти абсолютный.

– Вот? Это есть и ничего с этим поделать нельзя, это данность. Родись ты без музыкального слуха – опять выбора нет. Не дано – значит, не дано. Ты родился со способностями мага. И насколько я понимаю, способности у тебя не маленькие. Возможно, что в перспективе ты даже Великий Маг. И поделать с этим уже ничего нельзя. Выбор у тебя – учиться или остаться неучем. А вторая развилка – быть на стороне Света или Тьмы.

– Как в «Ночном дозоре»?

– Знаешь, даже очень талантливая книга не годится для ориентирования в жизни.

– Понимаю.

– Вот пока и подумай, Хуссейна Зариповича вопросами подоставай. А я пошёл мыться. Через полчаса он вышел из ванной посвежевший.

– Ну, как, отрок, достал ты дядю вопросами или он ещё держится?

– На умные вопросы и отвечать приятно, – отозвался Ирбис.

– И до чего мы тут допрошались?

– Мы решили последовать совету Чарли.

– Он нам их кучу надавал, – язвительно хмыкнул Бирюк. – Какому именно?

– Последнему. Спрятать парня до поры.

– Не возражаешь? – повернулся Юрий к Флэшу.

– Нет, – мотнул головой Федька. – Выбор смерти, даже своей собственной, находится вне компетенции отдельно взятого человека.

– Ух, ты, – покрутил головой Бирюк, – кто сказал?

– Не я, – вздохнул парень, – Кунц Дин Рэй, американский фантаст.

– Это не тот, который «Фантомы» написал?

– Читали? – обрадовался Фёдор. – А «Холодный огонь»?

– Нет. «Плохое место» ещё читал. Больше ничего не попадалось. Хотя пишет хорошо. В Штатах, кстати, много сильных фантастов.

– Пожалуй, это единственное, чем мы с ними схожи, – отозвался Ирбис.

– Ну на этой почве, сами понимаете, ничего путного с пендосами не построишь. Погодите-ка, а «Ангел-хранитель» не его?

– Его, – кивнул Флэш. – А почему на этой почве с американцами ничего построить нельзя?

– Это элементарно, Ватсон, – взъерошил ему волосы Бирюк. – Потому что политикой занимаются, как раз прагматики и реалисты.

– А почему их пендосами называют? Что это слово вообще означает?

– Не знаю, – пожал плечами он.

– А почему вы улыбаетесь?

Бирюк хмыкнул.

– Да вспомнил кое-что. Ребята знакомые, когда из Югославии вернулись, рассказывали историю забавную. Там представители их командования к нашим полководцам приходили. Требовали, понимаешь, чтобы наши командиры запретили своим подчинённым их пендосами называть.

– И что? – заинтересованно подался вперёд Флэш.

– Ну, как они, спрашивается, могут это запретить?

– Действительно, – захохотал Фёдка. – Коли они и в самом деле пендосы?

...Встреча с родителями не оставила следа в душе Юрия. Право слово, общение, словно с механическими куклами, в которых заложена определённая программа. Да и Фёдка при них стал какой-то другой, зажатый. Правда, нельзя сказать, что это питье ко-фе было бесполезным. Он незаметно устроил им зондирование памяти и установил точно то, что уже начал подозревать.

Флэш – не их ребёнок. Подкидыш в прямом смысле этого слова. В один прекрасный вечер, они обнаружили у себя на пороге дачи симпатичного малыша месяцев шести от роду. Этому сопутствовало три странных обстоятельства: первое – на малыше были не ползунки или пелёнки, а какой-то белый балахон из невесомой ткани; второе – увидев их, ребёнок заулыбался, протянул ручку и на раскрытой ладонке засиял голубой самоцвет вдвое больше его кулачка; третье – незадолго до этого вся Матвеевка любовалась висящим в небе НЛО.

Романтическая женщина, вышедшая замуж по расчёту, уехала из глубинки в большой город. Крутилась в обществе таких же, как и сама, тех кого судьба словно в насмешку наделила деньгами или властью. Стремясь скрыть провинциальности, подавали себя чуть ли не потомками дворян, кичась достатком. Родня была отодвинута на задворки памяти и воспринималась, как некое недоразумение, оскорблявшее её тонкую психику. Вот только детей им Бог не дал, а тут! Она приняла это за знаки судьбы, и ребёнок был усыновлён. Потом романтический настрой прошёл, а Фёдка остался.

Рос он обычным пацаном, чудес никаких с ним не происходило, и прежнее благополучно забылось. После столь неприятных и пугающих событий мысль спрятать сына никаких препятствий не встретила. Мать, ненадолго задумавшись, посоветовала Фёдке уехать на Байкал к тёте Вере. Это было далеко от дома, связи между ними почти распались и общение сводилось к ничему не обязывающим звонкам-поздравлениям раза три-четыре в год. Идея была неплоха и ранним утром следующего дня Бирюк с Фёдором, проведив Ирбиса в Ташкент, уже садились на рейс «Москва-Иркутск».

...Тётка жила в пригороде Иркутска. Старенький, но свой домишко, большой огород, хозяйство. Бойкая баба лихо управлялась в своей вотчине, не давала спуску соседям, охочим сунуть нос в чужие дела. Жила она без мужа, но прочь гнала сватающихся местных алкашей, что твёрдо были уверены в своих мужских достоинствах. Со смехом дав оценку предлагаемым ценностям, хозяйка поведала истинную суть притязаний: пристроиться к справной бабёнке примаком на дармовые хлеба.

– Поначалу, когда с одними трусами придёт, держится более или менее скромно. А чуток приживётся, прямо беда. Как должное воспринимает, что жена везде сама пашет, да его обсти-

рывает-кормит. Потом и в морду ей с кулаками лезет. А как же! Хозяин! Эта скотина, как известно, добра не помнит, это же не собака.

– Так, а что же она его не выгонит? – недоумённо спросил Флэш.

– Бабы, Федя, странно устроены. Комплекс у них. Хоть плохонький мужчинка, да свой. Это... как бы тебе сказать...

– Повышает её статус в глазах других баб, – с усмешкой подсказал Бирюк.

За разговорами Флэш отметил мелькавших по домашним делам хозяйских дочек – своих двоюродных сестёр. Думал, что их представят ему официально, но так и не дождался. С ним обращались так, словно все восемнадцать лет он тут и прожил. Сначала этот вывод его озадачил, а потом, когда самая младшая мимоходом сунула ему горсть малины, а та, что постарше, загоняя гусей, со смехом показала язык, рассмешило. Неожиданно пришло понимание, что ему всё это безобразие ужасно понравилось.

Пока суд да дело, время стало клониться к вечеру. Юрий Иванович решил не дёргаться и по совету Веры остался до утра. Вечером, когда вся семья ужинала на веранде, произошло событие, которое лишний раз напомнило магу, как глубоко в подсознании человека упрятан страх перед нечистой силой.

Было уже довольно поздно. Густая темнота во дворе напоминала разлитые в воздухе чернила. Как говорят – «хоть глаз выколи». Где-то далеко вспыхивали зарницы, выхватывая неровные зубцы слившегося с ночной темнотой соснового леса.

Под окнами слышались шумные вздохи коровы, что с характерным звуком мерно пережёвывала свою жвачку. Звякала о миску собачья цепь и густой бас хозяйского пса, подхваченный окрестными собаками, будил тишину. Где-то заготовали потревоженные гуси, заполошно хлопая крыльями, заорал петух. Бились в стекло, стремясь к свету, крупные ночные мотыльки.

На застеклённой веранде у большого стола, собрались за поздним ужином. Сама хозяйка, с дымящейся сигаретой в руке, с шутками подгоняла дочерей, поглядывая, как на застеленный цветастой клеёнкой стол, шустро выставляли салаты, огурчики – помидорчики, перья зелёного лука и порезанное сало. Флэш сидел у окошка и с удовольствием наблюдал, как шустрые девчонки со смехом подтрунивали над ним, друг другом и даже над взрослыми.

Торжественно водрузили сковородку со скворчащей картошкой. Большой поднос с самоваром, плошками варенья и плетёная хлебница с румяными пирожками дожидался своего часа на большом сундуке. Со смехом уселись за стол и уплетая картошку, с расставленных тарелок тянули в рот, что душа просила.

Фёдору здесь заметно нравилось. В доме, где он вырос, такой весёлый переполох был невозможен – там всё строго. Блюда подают по порядку, никаких разговоров за столом, чопорные лица родителей и над всем этим несусветная скука. С удивлением наблюдал, как умудряется хозяйка дома поддерживать беседу с Юрием Ивановичем, задавать вопросы ему и, при этом успеваешь вытянуть тряпкой по спине сунувшуюся к столу кошку Ришку, рывкнув успокаивает пса Лорда. Вот это талант!

На полу пел песни Круга старенький кассетный магнитофон. Девчонки подпускали ехидные шпильки и, как подметил Федька, внимательно следили за реакцией – надуется или в ответ подкузьмит так, что все взорвутся дружным смехом. Он не обижался и старался достойно «отгрызаться» от их приколов. Впервые он смеялся от души, не опасаясь замечания.

Вот уже убрали лишнюю посуду, разлили чай. Фёдор повернул голову к окну и из груди вырвался вопль ужаса – через стекло, прижав чёрную, мокро блестящую рожу с торчащими мохнатыми ушами и острыми рогами, на него глядели горящие рубиновым светом огромные глаза.

– Чёрт! Там чёрт! – и шархнул из-за стола в дальний угол веранды, побелев от ужаса и тыкая пальцем.

Присутствующие, ошалело повернули голову в указанном направлении. В наступившей тишине послышалось протяжное мычание, а потом взрыв хохота. Смеялись до икоты, до коликов в боках. Кто держался за живот, кто валялся на лавке. Ничего не понимающий Флэш, ошалело озирался.

Утерев выступившие от смеха слёзы, хозяйка пояснила ему:

– Какой чёрт?.. Это наша корова!.. Ночка!.. Мои, заразы, тут приспособились ей в форточку хлебные корки подсовывать. Вот и приучили – как вечером за стол, так она но-сом в стекло и мычит, хлеб клянит.

Сказать, что он сконфузился, значит – ничего не сказать. Но, придя в себя от первого потрясения, он понял, что смеются не над ним лично, а над тем, что случилось. Ему тоже вдруг стало так смешно, что он принялся хохотать сам над собой.

Пролетел незаметно вечер, расплзлась молодёжь. Младшие отправились гулять к озеру, прихватив с собой грозного Лорда. А Юрий с хозяйкой всё не могли наговориться. Редко случается так, что сразу находится не только общая тема, но и общий язык, но вот поди ж ты... Вера оказалась крайне интересным человеком. Эрудиция её была совершенно бессистемной, как у чеховского наборщика, но очень острый от природы ум в паре с любознательностью делали её очень увлекательным собеседником.

Во дворе хлопнула калитка, весело гавкнул пёс, поддерживая весёлый смех Фёдора и девчонок. Через полминуты все трое ввалились на веранду.

– Ничего себе! – воскликнула Алла, – мы думали, мама уже спит, а она дядю Юру беседой развлекает.

Алинка, самая младшая, улыбнулась застенчиво и одновременно хитро. Вера мазнула глазами по лицу Флэша и быстро встала.

– Ладно, мужики, вы тут покурите ещё, если хотите, а я на боковую. Устала, сил нет.

– Мы тоже посидим, – заверещали девчонки.

– Спать, лахудры! – рявкнула мать, и те без звука исчезли в комнате.

– Можно мне спросить? – спросил, присаживаясь к столу, Фёдор.

– А зачем, ты думаешь, тётка твоя спать убежала и девок угнала?

– Она же сказала, что спать хочет...

– За минуту до вашего прихода, у неё сна ни в одном глазу не намечалось, – пояснил Бирюк на вопросительный взгляд парня. – Так, что, спрашивай спокойно.

Он поднялся, поджёг газ и поставил на плиту чайник с водой.

– Скажите, а с вампирами вы боретесь?

– Какие именно тебя интересуют?

– Ну, те, что у людей кровь пьют.

– Эти редко встречаются. Я за свою жизнь всего двоих видел.

– Значит, другие тоже бывают? А-а-а, энергетические...

Бирюк хмыкнул и, сняв с плиты закипевший чайник, выключил газ.

– Где у тут заварник? А, вот.

– Вы смеётесь, что ли? – Флэш подозрительно заглянул ему в лицо.

– Нет, я только улыбаюсь. И не над тобой.

– А над кем? – насторожённо спросил парень.

– Над общей точкой зрения на этот счёт, – и, видя, что Фёдор по-прежнему смотрит на него вопросительно, продолжил. – Что, пьющие кровь ужасны по определению, а энергетические... что-то вроде насморка. Неприятно, но не более.

– А разве не так?

– Уверяю тебя, как старший по подъезду – всё обстоит с точностью до наоборот. Не верится, правда?

– Честно говоря, не очень.

Юрий засыпал в мельхиоровый чайничек духовитую заварку, осторожно залил её кипятком, накрыв салфеткой присел к столу.

– Знаешь, как один классик сказал: «лучшая шутка дьявола – убедить людей, что его не существует».

– В каком смысле?

– Человек не станет защищаться от того, что не считает опасностью. А кое-кто вообще считает, что разговоры об энергетическом вампиризме – бредни.

– Я понял. Мне только непонятно – чем опасны такие вампиры? Ведь, это же просто зануды и нытики?

– Чай будешь? Тогда давай чашку, – он разлил чёрный, как дёготь, чай, отхлебнул маленький глоток, зажмурился от удовольствия. – М-м, песня. Значит, зануд ты не боишься?

– Нет. Не люблю просто. А что, надо бояться? – он отхлебнул и сморщился. – Фу, блин, как вы такую горечь пьёте?

– Что б ты понимал... добавь молочка, вон банка стоит. Конечно, бояться их не стоит, а вот защищаться надо уметь. Что в них опасного? Отвечаю. Разрушенные семьи – раз. Занудой может оказаться один из супругов, тёща, свекровь, родители, наконец. Последнее – самый жуткий вариант. В таких семьях дети могут трансформироваться во что угодно. От бытового нытика-зануды до какого-нибудь Чикатилло. Примеров тьма, можешь мне поверить на слово. Во вторых – в карьерно-служебной сфере, один зануда в коллективе способен целый отдел сделать нетрудоспособным. Хорошо, если они производят или разрабатывают... ну, ручки для унитазов, например, это ещё пережить можно. А если стратегическое вооружение, космические спутники?

Он отхлебнул ещё чаю, прикурил сигарету и неожиданно засмеялся.

– Тут я, конечно, краски немного сгустил, извини. Не так всё плохо. В серьёзных контрактах эту братию быстро отсеивают, как и в разных спецназах. В общем, мой тебе совет: держись от них подальше, целее будешь.

– А как ваша работа называется?

– Специальный отдел по наведению ракет в безвоздушном пространстве.

– Ага, так я и поверил, – усмехнулся парень. – Если нельзя, так и скажите.

– Так я и сказал. Поступай в нашу Академию, я тебя на стажировку буду брать. Вот, уж тогда точно всего насмотришься. А главное, пустить тебя на кус-кус, уже никому не удастся.

– Я подумаю, – серьёзно сказал Фёдор.

Утром Бирюк уехал первым автобусом. Прощаясь с ним, Флэш держался скованно.

– Давай, излагай, – хлопнул его по спине Бирюк. – Видно, что тебя распирает. Так и быть, спрашивай.

– Юрий Иванович, а в эту вашу Академию как попадают?

Видно было, что он напряжённо ждёт ответа.

– Давай мы с этой хренью сначала закончим. Не беспокойся, высшую математику сдавать не надо. Сама процедура поступления – тайна. Но ещё никого не заставляли сдавать его насильно. И ни один, кстати, абитуриент назад не вернулся.

Оставив озадаченного парня посередине улицы, Бирюк запрыгнул в салон, лязгнула «гармошка» дверей и автобус стал удаляться, пока не пропал за поворотом...

Глава 5. Привет из прошлого

*Тише! Тише, господа!
Господин Искаримов,
Патриот из патриотов, Приближается сюда!
Пьер-Жан Беранже*

... —Здравствуй, Вера Евгеньевна.

– Здравствуй, Юра. А почему совсем не загорел? Мы тебя в Африку зачем послали?! Вернулся, понимаешь, бледный, как поганка. Только командировочные переводить мастера. Брандахлысты!

– Ты уж меня прости, Верочка. Я там не столько под Солнцем шарахался, сколько под Луной. А под ней сильно не загорись. Держи презент.

– Господи, страсть какая! На кой мне эта морда? На рабочем месте её носить? Так вы меня и так боитесь, как чумы.

Бирюк хмыкнул. Цветочный вазон, исполненный в виде африканской маски, выглядел и в самом деле ужасно.

– А что ещё можно из Африки привезти? Сушёную голову или живого крокодила? Так ты эту голову об мою расшибёшь с ходу...

– А крокодила Цербер slopes, – захохотала секретарша.

– Так, это вазон для цветов.

– Да ты что? – Вера заглянула внутрь. – Нет, ты глянть, и правда. Ну, спасибо, Юрик. Я его с аспарагусом к Александру Михайловичу поставлю.

– Не советую. А, впрочем, тебе виднее. Он, кстати, как, принимает?

– Юра, лучше не надо, – она наклонилась, положив пышную грудь на барьер. – Ему статистики какую-то заковыристую «простыню» на терминал сбросили.

– И что?

– То. Два часа всех в шею гонит. И на меня по селектору рычит, как лев.

– Как ле-ев? – удивился Бирюк, – Смотри, ты. Лев – это что-то новенькое.

– Я тебе серьёзно говорю, – оскорбилась секретарша. – Слушай, покорми Цербера, а? Тебе всё равно делать нечего.

– Твои бы слова да Богу в уши. Ладно, только ради тебя. У него какой сегодня день?

– Постный. Вон мешок в шкафчике возьми.

Вопрос был отнюдь не праздным. По понедельникам, средам и пятницам страж лопал обычный «Шарру» по два мешка в день. Остальные дни пса кормили сырым мясом, чтобы не забывал вкус крови. Дело в том, что любого, даже случайно проникшего в отдел, Цербер должен был просто сожрать. Ошибиться не боялись. Обычный человек пойдёт во вторую дверь, где его встретит вежливая референтша с ногами от коренных зубов. А вот тот, кто пройдёт сквозь «стену»... Ну, в общем, это его выбор. И Церику в меню разнообразие. Хоть какая-то радость бедному псу.

Бросив мешок на плечо, Бирюк вышел из приёмной. Навстречу ему (вот же чуткая скотина!) с радостным топотом нёсся Цербер, восторженно поскуливая и мотая слюнявой башкой.

– Сидеть! – рявкнул маг, уже наученный горьким опытом.

Тот послушно ударил в пол толстой задницей и радостно гавкнул. Дотащив мешок до уютного тупичка с огромным толстым матрасом, он вспорол ножом мешок и высыпал корм в бадью, служившую стражу миской.

– Цербер, ко мне!

Отскочив в сторону, он сунул свёрнутый мешок в урну, где тот растаял в воздухе. Задумчиво проследив за этой процедурой, пошёл обратно в приёмную. Из дверей, навстречу ему, выходил Скрипник Владимир Минеевич. Оба-на! Вот это сюрприз! Неужели у него отпуск уже кончился? Блин! Раз у него, стало быть, и у них тоже.

Зам появился у них в отделе недавно. Шеф, потеряв заместителя (его забрали на повышение в Москву, в Российское Управление), неделю выбирал между ним и Друидом. Затем, остановившись, всё-таки на Романове, направил представление в Москву. Через некоторое время Касьянов, начальник управления, лично привёз им это, не говоря худого слова, чудо, и представил на общем собрании в весьма обтекаемых выражениях.

Мол, вот вам новый зам, прошу любить и жаловать. Кроме того, помогайте ему на первых порах, ибо с опытом практической работы не густо. Он человек не без недостатков, но уж вы тут как-нибудь. Не слабо, да? Если перевести этот панегирик на человеческий язык, получалось следующее: работы не знает, дурак дураком, сам не сахар, но вы его потерпите, раз уж так вышло, что мы его назначили.

Михалыч, стоически выдержав это представление, не стал его комментировать. Он холодно поглядел в пустые глаза нового зама и попросил того пока пройти вместе с коллективом в свой кабинет и там пообщается поближе. Прозвучало это как откровенное «Пошёл отсюда вон!» Тот молча подчинился, но не забыл.

Как не забыл и своё «знакомство» с коллективом. Там, правда, народу было много, прибыли ещё и главы областных отделений всего региона, но тем всё это было, грубо говоря, «по барабану» – до Бога высоко, до царя далеко. А вот те, кому предстояло со Скрипником работать бок о бок, стали задавать вопросы... И ответы недвусмысленно показали – у них большая проблема. В общем, невзлюбили друг друга с первого взгляда.

Шеф, оставшись с Касьяновым с глазу на глаз, выражений не выбирал и прямо спросил – зачем ему подсунили эту сволочь? Тот тоже слабостью духа не страдал и рыкнул в ответ, чтобы Саша не забывался. После того, как все имеющиеся в запасе копы были переломаны, он всё-таки признался, что кандидатуру Скрипника спустили сверху, из ММК.

Теперь эта «казнь египетская» прибыла из отпуска и жаждала общения.

– Здравствуйте, Юрий Иванович, я, как раз, вас искал. Зайдите, пожалуйста, ко мне в кабинет.

Переглянувшись с секретаршей, он хотел на секунду тормознуться в приёмной, Вера, судя по красноречивому взгляду, явно хотела его о чём-то предупредить. Но зам, открыв дверь, ждал, когда он войдёт. Ничего, разберёмся.

– Юрий Иванович, – усевшись за свой стол, сверкнул очками Владимир Минеевич. – На вас поступило заявление.

– Да, что вы говорите? – «ужаснулся» Бирюк. – От кого?

– Вы не паясничайте, – взвился Скрипник, «не заметив» второго вопроса. – Вы думайте, что вы сейчас писать будете.

«Писать?» – злорадно подумал Юрий. – А вот те хрен во всю морду, шеф все материалы их работ загнал под гриф „секретно“, а на тебя представление на допуск ещё не ушло».

– Так, ведь я и спрашиваю, – от кого заявление и в чём обвиняюсь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.